

Н. ОКЛАДНИКОВ

ЗАПОВЕДНАЯ КИМЖА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА.....	2
ИСТОРИЯ КИМЖИ.....	3
КИМЖЕНСКИЙ ПРИХОД И ОДИГИТРИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ.....	14
ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В МЕЗЕНСКОМ УЕЗДЕ.....	24
ПОСТРАДАВШИЕ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ.....	29
МЕЗЕНСКИЕ МЕЛЬНИЦЫ.....	31
МЕЗЕНСКИЕ КРЕСТЫ.....	34
МЕЗЕНСКИЕ КОНОВАЛЫ.....	39
РОЖДЕННАЯ ДЛЯ СЕВЕРА.....	41
СТРОИТЕЛЬСТВО ТРАКТА СЧИТАЛИ НЕВОЗМОЖНЫМ!.....	48

АРХАНГЕЛЬСК

2007

ОТ АВТОРА

За последние годы весьма возрос туристический интерес к мезенской деревне Кимже, которая сохранила исчезнувший облик старинных мезенских сел. В этом старинном заповедном месте в едином ансамбле сохранилось все то, чем мы восхищаемся в северном деревянном зодчестве.

В периодической печати появляются отдельные очерки о Кимже. Между тем обобщенных, наиболее полных публикаций об истории этого села и сохранившихся здесь старинных памятников северного деревянного зодчества нет. Автор решил восполнить это.

Длительный период занимаясь изучением истории Мезенского края, исследуя архивные и другие материалы по этому вопросу, автор собрал обширный материал по истории мезенских сел и приходов. Часть из этих материалов автор публиковал в периодической печати. В ноябре 1996 года в мезенской районной газете «Север» был опубликован очерк «Заповедная Кимжа». За годы, прошедшие после этой публикации, автором собраны дополнительные материалы об истории Кимжи и сохранившихся здесь старинных памятников деревянного зодчества. Исследование этих документов и легло в основу настоящей публикации.

Поскольку Кимжа была одним из центров старообрядчества на нижней Мезени, автор решил рассказать об истории старообрядчества в Мезенском уезде, а также о репрессиях, которые в 30-х годах прошлого столетия были учинены в отношении священнослужителей, прихожан Кимженского прихода и старообрядцев Кимжи.

Наряду с пятиглавой шатровой Одигитриевской церковью достопримечательностью Кимжи были ветряные мельницы и кресты, особенно обетные. Кимжа славилась медным литьем. Здесь отливали медные колокольцы для скота и почтовых лошадей, украшения для конской сбруи другие изделия из меди, в том числе коновальские бляхи – своего рода цеховые знаки, которые коновалы прикрепляли к своим сумкам с инструментами. Кимжане занимались содержанием и выращиванием мезенской породы лошадей, отличавшейся необыкновенной выносливостью и неприхотливостью. Через Кимжу проходила зимняя дорога из Архангельска через Пинегу и Малую Немнюгу на Мезень, которую в 1828 году решили превратить в постоянно действующий тракт, строительство его до сих пор не закончено.

Поэтому автор счел также нужным отдельно рассказать в этой публикации о мезенских мельницах, крестах и коновалах, об истории мезенской породы лошадей и истории строящегося тракта с Пинеги на Мезень через Кимжу.

ИСТОРИЯ КИМЖИ

По устному преданию, записанному в памятную церковную книгу, д. Кимжа возникла в начале XVI века, когда здесь поселился вместе с семьей крестьянин из деревни Немнюга Пинежского уезда. Здесь, на высоком обрывистом правом берегу притока р. Мезени – реки Кимжи, в двух верстах от ее устья, он построил для себя дом и небольшую часовню.¹ Постепенно здесь стали селиться другие крестьяне из Пинежского и Мезенского уездов. Так возник вначале выселок, а затем деревня, которая получила название от реки Кимжи, на берегу которой она была расположена.

По устному преданию, сохранившемуся среди кимженских старожилов, название реки и деревни произошло от первопоселенца этих мест Кима. Жители этих мест говорили: «Тут Ким жил». И от короткого и быстрого произношения этих двух последних слов и получилось название деревни Кимжа. По другой версии, название, как реки, так и деревни произошло от финно-угорского слова «киима», что означает токовище. Кимжа со всех сторон окружена лесами, богатыми дичью, а глухарей и тетеревов в этих местах всегда водилось великое множество, и когда у этих птиц наступал брачный период, в мае – июне, их клекот был слышен за много километров. Саамское же толкование Кимжи в переводе на русский язык звучит как «река, у которой много следов».

Как и у всех деревень Мезенского района у жителей Кимжи существует свое групповое прозвище «чернотропы». Откуда оно пошло уже никто не знает, существует несколько интерпретаций этого прозвища. Одна из них – кимжане «чернотропы»-колдуны, порчу и сглаз насылают, была связана с тем, что некоторые из жителей деревни действительно владели искусством ворожбы и заговора. И вообще на Мезени жителей Кимжи считали колдунами и относились к ним с опаской и недоверием, а у жителей соседних с Кимжей деревень укрепились вера в плохую, темную энергетику кимжан². Другая «чернотропная» версия связана с тем, что кимжане позже всех в районе расстались с банями, которые топились по «черному», и перешли на «белые», а после помывки в «черной» бане шли домой и оставляли зимой на белом снегу следы от банной сажи. Еще две версии прозвища «чернотропы» приведены Н.В. Дранниковой в книге «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера». Одна из них выглядит следующим образом: когда-то в старину избы в Кимже

топились по «черному» сажа везде садилась, коптилась на снегу, поэтому оставались черные следы. Другая версия происхождения прозвища «чернотропы» связана с тем, что вокруг Кимжи глухие леса, в которых легко заблудиться ³.

. По переписи 1623 года в Кимже было 16 крестьянских дворов, в которых проживало 23 человека мужского пола, в том числе: Корнилко да Афонко Дементьевы, Тимошка Офанасьев, Селиванко Васильев, Митка Онисимов, Трофимко Павлов да сын его Осипко, Самсонко Семенов, Сенка Васильев, Офремко Омелянов, Дружинко Омелянов, Илейка Васильев, Окулко Родионов да племянник его Первушка Григорьев, Тимошк да Степашко Ивановы, Якушко Семенов, Ивашко да Ерофейко да Сережка Ларионовы, Фетка Омелянов да приемыш его Федосейко Дмитриев, Ивашко Селиверстов ⁴.

По переписи 1646 года в д. Кимже было 6 жилых крестьянских дворов, в которых проживало 10 человек мужского пола, в том числе: Ивашко Насонов с сыном Филкою, Онциферкоо Офанасьев прозвище Бесенько, Галактионко Зотиков, Ермолко Григорьев с сыном Самсонком, Мартемьянко с братом Тимошкою Яковлевы, Тимошко Иванов с сыном Ефимком.

Здесь же в то время было 10 дворов пустых. Владельцы этих пустых дворов вышли из деревни в «розные города з женами и детми во 150-м (1642) и во 151-м (1643) и во 152-м (1644) годех и дворы свои покинули пусты от хлебного недороду з голоду и в которых государевых городах они живут и того выборные люди соцкой и закащик и староста не ведают» ⁵.

По переписи 1647 года в Кимже было 18 жилых крестьянских дворов, в них проживало 28 человек мужского пола. Кроме лиц, указанных в переписи 1646 года, в этих дворах проживали: Ивашко Иванов с сыном Агапитком, братья Марочко и Ортюшко Корниловы, Дорофейко Дмитриев с племянником Панфилком Ивановым, Федка Силиванов, Гаврилко Окулов с сыном Емелкою, Онтонко Семенов, Тимошка Афанасьев Непеин, Федка Емельянов, Гришка Яковлев, Ивашко Евсеев с детьми с Алешкою и Ивашком, Осипко Дмитриев и вдова «Авдотьица Пронкина жена Ларионова». Из них 10 человек с женами и детьми в августе 1643 года пришли из Важского уезда.

Здесь же в то время было 6 дворов пустых. Владельцы тех дворов с женами и с детьми «от хлебного недороду сошли» из Кимжи в 1643 году. Из них Ортюшко Дементьев, Самсонко Семенов, Сенка Микитин «живут... в Устюжском уезде в Пермогорской волости», а Власко Ефремов, Дружинка Емельянов и Ивашко Ларионов «живут в Сибири» ⁶.

По переписи 1678 года на погосте, «что была деревня Кимжа» было 13 жилых крестьянских дворов, в них проживало 27 человек мужского пола.

Да здесь же значилось 20 дворов пустых, « по скаске того погосту десяцких и выборных людей Емелки Гаврилова со товарищи, те дворы запустели и люди из них вышли в розные города от хлебного недороду, а иные в розные годы померли». Вымрочными из них значилось

11 дворов, в их числе один двор умершего Ивашки Елисеева, его он «отказал в церковь Пресвятой Богородицы». Владельцы трех пустых дворов «сшли» в Сибирь, из них Мишка Григорьев «лет с восьм», Пахомко Иванов «лет с десять», а Якимко Дорофеев «в прошлом во 185-м (1677) году». Владелец одного двора Микитка Степанов «сшел на Вологду лет с шесть». Владельцы остальных пустых дворов «сшли безвестно» «во 185-м (1677)» и «во 186-м (1678)». На погосте Кимжа в то время также значилось «три места дворовых пусты»⁷.

Население Кимжи в 1782 году составляло 302 человека⁸, в 1795 году – 281 человек⁹, в 1816 году – 244 человека¹⁰, в 1850 году – 297 человек¹¹.

В 1888 году в Кимже было 52 двора, в которых проживало 395 человек¹².

В Кимже, как и в большинстве деревень Мезенского уезда, дома строились на подклетьях, в которых располагались погреба и амбары, а иногда в подклетьях делали жилые избы, чтобы жить в них зимой. Следует иметь в виду, что у нас в Поморье избой называли только ту часть дома, в которой было жилое помещение с печью. Сзади, за жилыми помещеньями, вверху находилась поветь, которая располагалась над хлевами для скота. На поветь по бревенчатому настилу-взвозу через задние ворота на лошади завозили воз с сеном. Здесь лошадь с возом легко разворачивалась. С повети в хлевы и в стойла для лошадей сено сбрасывалось вниз через специальные отверстия в полу. Поветь была самым просторным помещением в доме. В старину зимой или в осеннее ненастье тут собиралась молодежь на посиделки, иногда водили хороводы. Нередко на повети устраивали качели.

В 1785 году в Дорогорской волости, в состав которой в то время наряду с Дорогорским входили деревни Попираловская (располагалась в полуверсте от Дорогорского), Кимжа и Тимощелье, числилось 165 домов, из них 48 с одной избой, 108 с избой и клетью и 90 с избой и горницей¹³.

В Кимже до сих пор сохранилась улица двухэтажных домов типичной мезенской постройки. И таких домов в деревне большинство, правда, некоторые из них за эти годы были подвергнуты перестройке. Один из старых кимженских домов выкуплен органом местного самоуправления ТОС «Кимжа» и усилиями членов этой организации переоборудован в музей «Политов дом». Музейная экспозиция в нем демонстрирует быт крестьянской семьи деревни.

Благодаря хорошо сохранившейся старинной деревянной архитектуре Русского Севера в Кимже было снято несколько художественных фильмов. Так, в 80-х годах прошлого века в многосерийном художественном фильме «Михаило Ломоносов» Кимжа олицетворяла собой древние Холмогоры. Дом, который в фильме был представлен домом Ломоносова, сохранился здесь до сих пор. Многие жители Кимжи принимали участие в этом фильме в массовых сценах.

В те же годы в Кимже снимался художественный фильм «Матвеева радость». В этом фильме Кимжа была представлена родной деревней главного героя фильма.

Здесь же в 2003 – 2004 годах телевизионными компаниями РТР и Культура были сняты два документальных фильма.

Ценнейшим архитектурным памятником Кимжи является деревянная пятиглавая Одигитриевская церковь, построенная в 1709 году, которая давно уже признана специалистами редким памятником русского деревянного зодчества¹⁴. Ее облик растиражирован во многих фотографиях и картинах художников. Наш подробный рассказ об истории Кимженского прихода и Одигитриевской церкви впереди.

Неизменным пейзажем Кимжи, как и других деревень на Мезени и Пезе, были деревянные кресты. Они стояли здесь как непосредственно в деревне, так и на земельных наделах крестьян в поле и на покотине, также у дороги в деревню. Наиболее охраняемыми и почитаемыми были обетные кресты (поставленные по обету, обещанию). Один такой крест до сих пор сохранился на берегу р. Мезени около д. Кимжи, другой до наших дней можно было видеть непосредственно в деревне у церкви¹⁵. Наш рассказ о мезенских крестах впереди.

Говоря о занятиях жителей Кимжи, посетивший ее в 1837 году известный русский ботаник Александр Шренк, писал: «Жители Кимжи занимаются земледелием, скотоводством и рыбной ловлею. Земледелие ограничивается разведением ржи и ячменя, которые довольно часто не созревают,... Рыбная ловля есть главное занятие кимженских крестьян и ограничивается преимущественно ловом семги...»¹⁶.

Но кроме лова семги и другой рыбы на местных водоемах, кимжане занимались также морским рыбным и зверобойным промыслами и на своих судах ходили для промыслов на Канин. По заявлению старейшего жителя Кимжи Глеба Макаровича Воронухина: «По восемнадцать карбасов из Кимжи к морю на камбалы ходило. А карбаса – то! По четыре – пять тонн!»¹⁷.

О том, что промысел рыбы и морского зверя был одним из основных в хозяйственной деятельности кимженских крестьян, свидетельствуют следующие данные. В 1865 году из 204 жителей Кимжи в возрасте 14 лет и старше, рыбной ловлею было занято 70 человек, а морским зверобойным промыслом 50 человек¹⁸.

Значительное место в хозяйственной деятельности кимженских крестьян занимало скотоводство, в том числе содержание и выращивание мезенской породы лошадей, отличавшейся необыкновенной выносливостью и неприхотливостью. В 1865 году на 56 дворов в Кимже имелось крупного рогатого скота 184 головы, лошадей 100 и овец 152¹⁹.

Своих лошадей кимженские крестьяне вывозили на выставку, которая со второй половины XIX века ежегодно проводилась в Пинеге.

Часть скота и продуктов животноводства кимженские крестьяне продавали на ярмарках в Мезени и Пинеге. Так, в 1876 году в Кимже числилось крупного рогатого скота 168 голов и лошадей 98. В том же году было продано крупного рогатого скота 16 голов и лошадей 4, забито 4 головы крупного рогатого скота ²⁰. Такие продукты животноводства, как масло и творог, пользовались большим спросом у канинских ненцев, которые были частыми посетителями г. Мезени и мезенских сел. Ненцы также охотно скупали выделанные овечьи шкуры – овчины. Из них они делали одеяла, называемые одевальницами.

Следует отметить, что торговля скотом и продуктами животноводства были довольно распространенным явлением среди крестьян нижней Мезени. Так, в Дорогорской волости на 1 января 1907 года (в то время в состав Дорогорской волости входили также поселения по реке Пезе и по рекам Канина) числилось крупного рогатого скота 2443 головы и 1397 лошадей. Из них в 1907 году жителями Дорогорской волости было продано крупного рогатого скота 1407 голов, на сумму 22408 рублей; 105 лошадей, на сумму 3380 рублей. В том же году ими было продано 111 пудов сливочного масла, на сумму 1232 рубля ²¹.

Условия содержания скота в хозяйствах кимженских крестьян считались одними из лучших в Мезенском уезде. Об этом свидетельствует следующий факт.

В 1818 году для улучшения местной породы крупного рогатого скота в Архангельскую губернию было завезено из Англии 4 коровы и 2 быка, а в 1819 году – из Голландии 12 коров и 4 быка. Их было решено раздать для содержания в лучшие крестьянские хозяйства губернии ²².

Одна из коров иностранной породы в 1819 году была доставлена в д. Кимжу и передана для содержания крестьянину этой деревни Василию Федоровскому. К сожалению, эта корова оказалась неспособной к деторождению и в ноябре 1826 года с разрешения Архангельского губернского правления была забита ²³.

Как известно, через Кимжу проходила зимняя дорога из Архангельска на Мезень, шедшая через Пинегу и Малую Немнюгу. Поэтому известное место в хозяйственной деятельности кимженских крестьян занимал извоз.

Кимженские крестьяне занимались выделкой скотских кож. Их выделывали в специальных чанах, которые размещали в отдельных крестьянских избах. Таких заведений в Кимже в 1865 году было 6, а всего в Мезенском уезде 18 ²⁴.

Владельцами этих заведений были кимженские крестьяне:

Бутаков Лука. Выделкой кож в 3-х чанах занимался сам хозяин с братом. В 1864 году ими было выделано 52 кожи, на сумму 190 рублей;

Федорков Иван Васильевич. Выделкой кож в 2-х чанах занимался сам хозяин с одним временно приглашенным рабочим. В 1864 году ими было выделано 60 кож, на сумму 210 рублей;

Паюсов Егор Осипович. Выделкой кож в 3-х чанах занимался сам хозяин с братом. В 1864 году ими было выделано 40 кож, на сумму 135 рублей;

Паюсов Федот Сафонович. Выделкой кож в 3-х чанах занимался сам хозяин с двумя временно приглашенными рабочими. В 1864 году ими было выделано 80 кож, на сумму 245 рублей;

Митькин Николай Сергеевич. Выделкой кож в 4-х чанах занимался сам хозяин с двумя сыновьями. В 1864 году ими было выделано 145 кож, на сумму 370 рублей ²⁵.

Позднее выделкой кож по наследству занимались сыновья этих крестьян. Так, сын Федота Паюсова – Максим в 1876 году занимался выделкой кож в 2-х чанах. За этот год им было выделано 35 кож, на сумму 260 рублей. Сын Никиты Митькина – Прокопий в 1876 году занимался выделкой кож в 2-х чанах. За этот год им было выделано 90 кож, на сумму 375 рублей ²⁶.

Кимжане занимались также выделыванием овчин (бараньих и овечьих кож с шерстью). В 1865 году в Кимже имелось три овчинных избы при жилых домах, а всего в Мезенском уезде их было 12 ²⁷.

Выделанные кожи вывозили для продажи на ярмарки в Мезень и Пинегу. В навигацию 1863 года была сделана попытка вывоза кож из Мезенского уезда в Норвегию, где их продавали по 25 копеек фунт. Каждая кожа весила в среднем 1 пуд ²⁸.

Кимженские крестьяне занимались также торговлей. В 1873 году в Кимже имелось четыре торговых лавки, которые принадлежали кимженским крестьянам Артемию Ивановичу Крупцову, Семену Ивановичу Митькину, Петру Васильевичу Дерягину и Дорофею Никитичу Митькину ²⁹.

О том, что в хозяйственной деятельности кимженских крестьян значительное место занимало земледелие, в частности выращивание ржи и ячменя, свидетельствует тот факт, что в 1865 году в Кимже было 23 овина и 10 ветряных мельниц ³⁰.

На ветряных мельницах, их владельцы – Кимженские крестьяне мололи не только свое зерно, но и своих соседей и крестьян из ближайших деревень.

В 1870 году во всем Мезенском уезде был 60 ветряных мукомольных мельниц, а в Кимже их оставалось 9. Владельцами этих мельниц были Кимженские крестьяне: Максим и Иван Поповы, Афанасий и Федор Окуловы, Алексей Дерягин, Михаил Сафонов, Иван Федорков, Михаил Немнюгин и Семен Митькин ³¹. Более подробный рассказ о мезенских мельницах впереди.

Значительное место в хозяйственной деятельности кимженских крестьян занимало отходничество, уход крестьян на сезонные работы в Мезенском и других уездах Архангельской

губернии и за пределами губернии. В 1865 году в отлучках на сезонных работах в уездах Архангельской губернии находилось 19 кимженских крестьян, а в других губерниях – 11 ³².

Среди отхожих промыслов наибольшее место занимали работы на заводах и на перевозках. Так, в 1907 году отхожими промыслами в Дорогорской волости, в состав которой входила Кимжа, было занято 359 крестьян, из них работали на заводах 108 человек и занимались перевозками 242 человека ³³.

Уходили крестьяне на заработки и в Санкт Петербург. Так, в 1904 году из Дорогорской волости ушло на заработки в Санкт Петербург 23 человека ³⁴.

С давних пор в поморских деревнях было развито кузнечное производство. Кузнечные мастера изготавливали предметы для промысла и обихода: гвозди, скобы, рыболовные крючки, цепи, якоря, багры, пешни, печные заслонки, ножи, топоры, петли и крюки для дверей, пробой, запоры и задвижки и многое другое. В 1865 году в Кимже числилось «два кузнеца и один слесарь, имелось две кузницы» ³⁵.

Прежде почти каждая деревня на Мезени славилась своим промыслом. Кильца славилась бондарным промыслом, Тимощелье – гончарным производством, Дорогорское – изготовлением саней и лодок, а Кимжа издревле славилась медным литьем. Здесь отливали колокольцы для скота и почтовых лошадей, украшения для конской сбруи, крестики, пряжки-схваты, коновальские бляхи и другие изделия из меди. Коновальские бляхи – своего рода цеховые знаки мезенских коновалов, которые прикрепляли коновалы к сумке с инструментами. На бляхах этих изображались конь и три человека, один из них восседал верхом на коне, второй вел его за уздцы, а третий – толкал сзади ³⁶. Мезенские коновалы – явление уникальное и о них наш рассказ впереди.

Славились в Кимже мастера медных литейных дел Дерягины, сыновья и внуки старейшего мастера этих дел Дерягина Василия Алексеевича, который прославился изготовлением медного литья в первой половине XIX века. Изделия из медного литья, изготовленные кимженскими мастерами Дерягиными, имеются в Мезенском краеведческом музее, среди них: поддужный колокольчик, коновальская бляха, поясное кольцо (женское ненецкое украшение на одежду), подвески к ненецким женским шапкам. В музее деревянного зодчества в Малых Корелах, где хранятся медные колокола северного литья, есть колокол, отлитый кимженским мастером. На этом колоколе выполнена следующая надпись: «1884 года мастер Петр Дерягин» ³⁷.

Есть предположение, что медь на Кимжу доставлялась с цилемских медных рудников, расположенных на Цилеме – притоке р. Печоры, где с конца XV века добывали не только медь, но и серебро. Все это через Мезень доставлялось обозами в Москву. На цилемских рудниках работали мезенские крестьяне ³⁸.

Обычно привезенную медь с помощью зубила дробили на мелкие кусочки, которые складывали в медный горшок и плавил в печи. Расплавленную медь специальной ложкой разливали по формам. Колокола отливали в земляных формах по специальной модели.

Литейная мастерская в Кимже – редчайшее явление для крестьянской среды. Существует предание, что искусство медного литья занесли в Кимжу старообрядцы из Выговского старообрядческого общежития, что в Карелии, где отлично было поставлено литье медных икон – складней. А Кимжа, как известно, была одним из центров старообрядчества на нижней Мезени.

Надо отметить, что в Кимже работали также мастера ювелирных дел, которые изготавливали украшения из драгоценных металлов, в основном из серебра. Одним из таких мастеров был сын Василия Алексеевича Дерягина – Михаил³⁹.

Среди кимжан было распространено плотничье и столярное мастерство. В 1865 году на 329 жителей Кимжи имелось 10 плотников и 2 столяра. Тогда как в Дорогорском на 361 человек жителей имелось только 4 плотника, а столяров вообще не имелось⁴⁰. Кимженские мастера-плотники участвовали в строительстве и ремонте Одигитриевской церкви в Кимже. Надо полагать, что они же строили здесь удивительные ветряные мельницы.

Кимжане также выделывали деревянную посуду и изготавливали колеса для телег. В 1865 году в Кимже числилось 2 мастера по выделке деревянной посуды и 1 колесник⁴¹. По сообщении старожилов Кимжи в бывалые времена здесь также были мастера по изготовлению саней. Хорошие сани делали Воронухины⁴².

Кимжана наряду с тимошелями занимались также гончарным производством. Изготавливали глиняные горшки и другие гончарные изделия. В 1865 году здесь было 2 горшечника⁴³. В Тимошеле – родине мезенских гончаров в 1865 году было занято гончарным производством 22 человека, а в Козьмогородском – 1⁴⁴. В Дорогорском гончарных мастеров не имелось.

В 1865 году среди жителей Кимжи было два сапожника, которые шили башмаки, сапоги, а в основном обувь для промысла – бахилы. В том же году здесь было 2 портных и 15 человек ткали пестряди (грубая ленная или бумажная ткань из разноцветных ниток) и сукна⁴⁵. Надо отметить, что ткацкое ремесло было широко распространено среди жителей мезенских сел. Так, в 1865 году ткали пестряди и сукна в Дорогорском 25 человек, в Жерди и Кильце – 10 человек, в Тимошеле – 21 человек⁴⁶.

В старину Кимжа было одним из центров старообрядчества на нижней Мезени. Старообрядчество, отличавшееся особенной консервативностью, - одна из причин того, что Кимжа больше других сохранила старину. Наш рассказ о мезенских старообрядцах впереди.

В Кимже, как нигде на Мезени, до сих пор сохранился дух старинного бытового уклада, непременно сопровождаемый старинными русскими песнями и причитаньями. Это было отмечено фольклорной экспедицией, побывавшей здесь в 1958 году. В Кимже имелись свои хранители древнего песенного фольклора. Среди кимженских сказительниц выделялась Т.Г. Немнюгина, в 1958 году ей было 67 лет. В том году фольклорная экспедиция записала от нее две песни: «Сяду я на лавочку брусовую», «Зарастай наша деревня» и две былины: «Старина про Добрыню» (Добрыня и Алеша) и «Старина про сорок калик»⁴⁷.

В прежние годы кимженский хор был известен не только в Архангельской области, но и бывал с гастролями в Москве и Ленинграде, а известный северный писатель Федор Абрамов считал за честь познакомиться с кимженскими певуньями и послушать в их исполнении старинные русские песни.

В старину кимжане умели гулять и веселиться. Ежегодно 21 июля, в Прокопьев день, здесь проходил съезжий праздник. На Прокопьев день собирались в Кимже жители окрестных деревень и вместе с хозяевами весело гуляли на съезжем празднике. Трапезные застолья сопровождалось песнями, хороводами, различными забавами. Отрадно отметить, что эта традиция ныне здесь возродилась.

Вместе с дорогорами кимжане отмечали также Крещение. Весело проводили кимжане Масленицу. На Масленицу здесь делали горки, устраивали гулянья на лошадях, водили хороводы.

По сравнению с жителями других мезенских сел кимжане отличались особенной грамотностью. В 1865 году на 329 жителей деревни здесь были 31 грамотный, тогда как в Дорогорском на 361 жителя было только 5 грамотных⁴⁸. Этому в известной мере способствовали старообрядцы, которые в индивидуальном порядке занимались обучением грамоте крестьянских детей. Правда позднее, в октябре 1894 года, в Кимже была открыта церковно-приходская школа, в которой в 1894 – 1895 учебном году обучалось 23 мальчика и 9 девочек⁴⁹.

В 1920 году в Кимже было 130 дворов, в которых проживало 566 человек⁵⁰; в 1926 году здесь было 163 домохозяйства, а население составляло 760 человек⁵¹; по переписи 1939 года в Кимже проживало 580 человек⁵².

В 1924 году в Кимже было организовано Товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ), которое в 1926 году было преобразовано в мелиоративное товариществом «Труд». На базе этого товарищества в феврале 1930 года в Кимже был создан колхоз «Полярная звезда». Здесь же в то время был создан рыболовецкий колхоз «Канинский рыбак», который в 1935 году был упразднен и слился с колхозом «Полярная звезда». В 1961 году колхоз был упразднен и вошел в состав Дорогорского отделения совхоза «Мезенский». В 1969 году Дорогорское

отделение совхоза «Мезенский» выделилось в самостоятельный совхоз «Дорогорский». В 1993 году совхоз «Дорогорский» реформирован в акционерное общество «Дорогорское», а в Кимже находилось отделение этого акционерного общества⁵³. Позднее это общество распалось, и на базе его было образовано конефермерское хозяйство «Сахаров», где создана генофондно-племенная ферма по разведению известной мезенской породы лошадей. На 1 января 2006 года здесь насчитывалось 87 лошадей⁵⁴. В Кимже имеется конюшня этой фермы.

В 40 – 50-е годы прошлого столетия в Кимже был лесоучасток Дорогорского лесопункта, в 1957 году здесь работало 106 человек. В том году в Кимже было 130 домохозяйств с населением 377 человек⁵⁵, в 1970 году – 103 хозяйства с населением 268 человек⁵⁶, в 1987 году – 68 домохозяйств с населением 159 человек⁵⁷. По сведения Мезенского районного статистического управления в 1993 году в Кимже было 72 домохозяйства с населением 165 человек.

Несмотря на мировую известность Кимжа в настоящее время не живет, а выживает. Жителей здесь осталось не больше сотни. Производства нет никакого, кроме конюшни и электростанции. Старожилы Кимжи озабочены судьбой своей деревни, ее настоящим и будущим. Остается только единственная надежда на выживание Кимжи за счет туризма. Почти все необходимое для этого имеется. Проект кимжан «Экологическая деревня Кимжа» получил грант. Обещают деньги на этот проект губернские власти. Пока еще в Кимже сохранились старинные избы и уникальная деревянная шатровая пятиглавая Одигитриевская церковь, нужно сделать все, чтобы сохранить и возродить этот уникальный музей под открытым небом.

Примечания

¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. С. 315.

² Дранникова Н.В. Локально – групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Архангельск, 2004. С. 86.

³ Там же. С.68 – 69.

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. «Поместный приказ». Ед. хр. 185. Л. 374 – 375.

⁵ Там же. Ф. 1209. Оп. 1 «Поместный приказ». Ед. хр. 15054. Л. 163 – 164.

⁶ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. «Поместный приказ». Ед. хр. 15054. Л. 493 – 494.

⁷ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. «Поместный приказ» Ед. хр. 15055. Л. 229 – 233.

⁸ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 3257. Л. 127 – 142.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Ф. 51. Оп. 11. Т. 4. Д. 8431. Л.99 – 111.

¹¹ Там же. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 312. Л. 128 об. – 143.

¹² Атлас Архангельской епархии. Архангельск, 1890.

- ¹³ Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 г. Итоги подворной описи. Архангельск, 1916. С. 72 – 79.
- ¹⁴ Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., «Искусство», 1971. С. 99 – 105.
- ¹⁵ Там же. С. 106 – 107; Половников С.Я. Обетные кресты // Правда Севера. 1990. 29 июля.
- ¹⁶ Шренк А. Путешествие к северо-востоку европейской России через тундры самоедов к Северным Уральским горам. СПб., 1855. С. 638 – 640.
- ¹⁷ Антипин А. Сказочная Кимжа // Правда Севера. 2005. 21 апреля.
- ¹⁸ ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 28.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 214. Л. 4 об. – 5.
- ²¹ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 247. Л. 24, 27.
- ²² Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 119. Л. 1 – 8.
- ²³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Т. 2. Д. 2613. Л. 6 – 8.
- ²⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 28; Там же. Ф. 6. Оп. 17. Д. 83. Л. 19 – 20.
- ²⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 157. Л. 84, 90 – 92.
- ²⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 172. Л. 2 – 3.
- ²⁷ Там же. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 28.
- ²⁸ Там же. Ф. . . Оп. 17. Д. 83. Л. 19 – 20.
- ²⁹ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 437. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 28.
- ³¹ Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 834. Л. 4 – 5.
- ³² Там же. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 28.
- ³³ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 241. Л. 33 об.
- ³⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 239. Л. 4.
- ³⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 28.
- ³⁶ Мильчик М.И. Указ. соч. С. 109 – 110.
- ³⁷ Давыдов А. В музее «Русский Север» // Наука и жизнь. 1982. № 8. С. 100.
- ³⁸ Окладников Н. Тайна древних рудников // Правда Севера. 1997. 11 декабря; Окладников Н. К недрам Печорского края // Былое. Приложение к журналу «Родина». 1998. № 1.
- ³⁹ Окладников Н. Заповедная Кимжа // Север. 1996. 5 ноября.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 27 – 28.
- ⁴¹ Там же. Л. 28.
- ⁴² Антипин А. Сказочная Кимжа // Правда Севера. 2005. 21 апреля.
- ⁴³ ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 28.
- ⁴⁴ Там же. Л. 25, 36.
- ⁴⁵ Там же. Л. 28.
- ⁴⁶ Там же. Л. 23, 25, 27, 33.
- ⁴⁷ Песенный фольклор Мезени. Л. «Наука». 1967. Л. 128, 180 – 185, 256 – 259, 307 – 308, 331, 340, 359.
- ⁴⁸ ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 27 – 28.
- ⁴⁹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 316.
- ⁵⁰ Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года. Архангельск, 1922. С. 64.
- ⁵¹ ГААО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 864. Л. 1.

⁵² Там же. Ф. 1892. Оп. 12. Д. 18. Л. 103 об.

⁵³ Там же. Ф. 3958. Оп. 1. Д. 7-а. Л. 4; Там же. Ф. 106. Оп. 8. Д. 1373; Там же. Д. 1374; Там же. Д. 1375.

⁵⁴ Пахомова М. Мезенка снова принимает гостей // Север. 2006. 10 февраля.

⁵⁵ ГААО. Ф. 1892. Оп. 21. Д. 5561. Л. 100.

⁵⁶ Там же. Оп. 22. Д. 7773, Л. 77.

⁵⁷ Там же. Оп. 25. Д. 3055. Л. 96.

КИМЖЕНСКИЙ ПРИХОД И ОДИГИТРИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Кимженский приход состоял из двух селений: д. Кимжи и с. Дорогорского, расположенного в 15 верстах от д. Кимжи, на противоположном берегу р. Мезени. До 1857 года с. Дорогорское входило в состав Заакаурского прихода, расположенного в д. Заакаурье, 17 верст от д. Кимжи ниже, по р. Мезени.. Ближайшая церковь от д. Кимжи находилась в д. Жердь, в 5 верстах, на противоположном берегу р. Мезени.

По устному преданию, занесенному в памятную церковную книгу, первая деревянная церковь с колокольной в честь иконы Божьей Матери – путеводительницы Одигитрии, с приделом во имя во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, была построена первопоселенцами Кимжи в начале XVII века ¹. Первое упоминание о ней мы находим в переписи 1678 года. В этой переписи записано: «Погост, что была деревня Кимжа, а на погосте церковь Пресвятые Богородицы Одигитрия. У той церкви во дворе поп Лука Афанасьев, у него сын Федка; во дворе дьячок Сафонко Исаков, у него дети: Якушка семи лет, да Мартышко дву лет; во дворе пономарь Федка Васильев, во дворе просвирница Маремьяна» ².

Церковь эта в 1699 году сгорела от молнии, но находившееся в ней имущество было спасено. По просьбе священника Кимженской волости Луки Афанасьева и церковного приказчика Захарки Минина от 10 декабря 1700 года в том же году 20 декабря архиепископом Холмогорским и Важским Афанасием была выдана благословенная грамота на строительство новой Одигитриевской церкви «на прежнем церковном месте» ³.

Новая Одигитриевская церковь на пожертвования кимженских крестьян была построена в 1709 году. Она наследовала от старой церкви ее форму и была построена в виде креста ⁴.

В 1709 году, вскоре после окончания строительства церкви, лампоженскому священнику Семену Борисову была послана «память» архиепископа Рафаила с требованием «в Кимженской волости новопостроенной церкви всего строения и на главах поставленных крестов досмотреть и записать в самую истинную правду, какова та церковь и кресты построены против указу и против данной Архиепископом благословенной грамоты, и той новопостроенной церкви всему строению и крестам учинить чертеж с подписанием...» ⁵.

Выдача этой «памяти» была вызвана тем, что на новопостроенной Кимженской церкви кресты были поставлены не четырехконечные, в восьмиконечные (старообрядческие), о чем стало известно архиепископу, что и повлекло за собой настоящее расследование ⁶.

Выполняя предписание архиепископа, священник Лампоженского прихода Семен Борисов составил описание вновь построенной Одигитриевской церкви и нарисовал ее изображение. В архиерейский духовный приказ, священник Борисов в сопроводительной отписке сообщает: «...а той новопостроенной церкви всего строения и на главах помещенных крестов досмотрел и записал и чертеж учинил в самую истинную правду» ⁷.

В своем сообщении в архиерейский духовный приказ священник Борисов дает следующее описание е новопостроенной церкви: «Церковь теплая, о пяти главах, на главах кресты осмоконечны, зданием четверуголна, олтар круглой, пятиугольной, в длину две сажени, поперег две ж сажени один аршин с четвертью, вышина от помосту олтарнего до подволоки сажень двенадцать вершков, олтарние стены гладкие и подволока все скоблены; церковь длиною внутри три сажени один аршин два вершка и с уступом, а уступ от олтаря два аршина, поперег три сажени два вершка, во церкви с летную сторону два окна, с севера третье, вси в колодах, вышина от помосту церковнаго до подволоки две сажени осмь вершков, в церкви стены гладкие и подволока все скоблено; в трапезы внутри до пяти сажени, поперег мерою столько ж, в трапезы ж с летную сторону три окна, с севера четвертое, вси в колодах, вышина трапезы от полу до потолка две сажени четыре вершка, стены гладкие скоблены, двери ис трапезы в церковь в трапезу ис паперти по ужожеству построены на крюках, а все то здание церковное от земли до мостов четыре ряда, на пятом пороги, в трапезе печь черная бита глиняна устьем в трапезу, паперть забрана тесом в косяки, крыльце на запад ис паперти двоесходное» ⁸.

В этом описании, как мы видим, даны внутренние размеры церкви. Указанная здесь каркасная паперть позднее была заменена на бревенчатую. Упомянутое в описании «двоесходное» крыльцо, почему-то не показано на рисунке церкви, выполненном тем же священником Семеном Борисовым.

Руководителем артели плотников, которые строили церковь «с мирскими людьми» был Иев Прокофьев, который «в жизни своей в Холмогорской и Устьянской епархиях страивал... всего церквей с пять» ⁹.

Есть основание полагать, что руководителем артели, что возводила Одигитриевскую церковь, был местным жителем, так как в «поручной записи» лампоженские крестьяне пишут о нем: «тот же Лампоженской слоботки плотник Кимженской новопостроенной церкви» ¹⁰; сам же он называет своим духовным отцом, у которого он в прошлом году был на исповеди, священника Заакаурского прихода Федора ¹¹.

Тип вновь построенной Кимженской церкви – шатер на крещатой бочке. Такие же церкви в конце XVII – начала XVIII века были построены на Мезени в Окладниковой или Окладниковой слободе собор Рождества Богоматери (1714 г.), в Лампожне – Благовещенская церковь (1698 г.), в Юром е – церковь Михсаила Архангела (1685 г.)¹².

Такие церкви стояли также на Пинеге в Веркольском монастыре – холодная церковь св. Артемия (1697 г.) и теплая церковь св. Артемия (1714 г.)¹³.

Есть основания полагать, что все эти церкви построены артелью плотников под руководство или при участии мастера Иева Прокофьева. Предположение о строительстве некоторых из мезенских и пинежских церквей одной и той же артелью уже высказывалось исследователями деревянной архитектуры Русского Севера¹⁴. К сожалению, из всех упомянутых церквей до наших дней сохранилась только Одигитриевская церковь в Кимже.

Кимженский приход был небольшой и довольно бедный, и поэтому, хотя строительство церкви было закончено в 1709 году и в том же году дана грамота и выдачу анимиста¹⁵, освещена же она была только в 1763 году священником Лампоженского прихода Симеоном. Видимо, много времени ушло на внутреннюю отделку церкви, на сбор денег для приобретения необходимой богослужебной утвари, книг, для написания икон. Причиной этому была бедность

прихожан и приверженность их к расколу и, как следствие этого, – нерадение к церкви¹⁶.

Стены Одигитриевской церкви сложены из огромных лиственничных бревен – самого прочного материала на Севере, поэтому она и сохранилась до наших дней. Здание храма устроено в виде креста. Над кровлею возвышается большой шестигранный шатер и над ним глава с восьмиконечным крестом. На четырех углах церкви стоят четыре шатра небольшого размера, имеющие своим основанием четыре медальона в виде сердца и завершающихся также главами с восьмиконечными крестами.

«Композиция церкви, – как пишет М.И. Мильчик, – проста. Основое помещение – куб (1), под ним высокий подклет, куда, как говорят, свободно въезжал воз. С востока к четверику примыкает алтарный прируб (2), с запада – большая трапезная (3), притвор (4) и крыльцо (5)... Сруб – четверик завершался уширением – подвалом. Открытое двумаршевое крыльцо «висело» на выпусках бревен»¹⁷.

Дополнительные сведения об Одигитриевской церкви удалось выявить в описях за 1802, 1824, 1834, 1856 годы и в деле «об исправлении Одигитриевской церкви Мезенского уезда» за 1895-1904 годы, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области.

Нужно отметить, что на Мезени и Пинеге и часовни также в большинстве своем строились с завершением «шатра на крещатой бочке». Именно такой была отдельно стоящая в Кимже колокольня «о пяти столбах». Эта редчайшая деревянная постройка, к сожалению, не сохранилась до наших дней. Она стояла на месте магазина, который находился здесь 60-70-х годах прошлого века.

В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» сказано, что колокольня эта была устроена «одновременно с церковью»¹⁸. Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что она была возведена позднее, в период между 1824 и 1834 годами. До этого, во всяком случае, до 1824 года, здесь стояла колокольница: «Четыре столба, одна лисница без крышки, на которой колокольницы четыре колокола небольшие веснут на железных крюках, пол тесаной плашинной, обвешалой, кругом в столбах брусье тесано»¹⁹. Такое описание отдельно стоящей колокольницы в Кимже дано впервые в описи 1802 года.

Вместо этой ветхой колокольницы на четырех столбах, «без крышки», была построена новая «колокольня о двух ярусах, деревянная на крепком фундаменте, сделанная на пяти столпах. Покрыта чешуею, дверей не имеет, на ней висят четыре колокола: 6 пудов, 2 пуда 30 фунтов, 2 пуда 10 фунтов, 1 пуд 15 фунтов»²⁰. Такое описание колокольни дано в описи 1834 года.

Что касается вновь построенной Одигитриевской церкви, то ранее устроенная здесь в трапезной черная печь, позднее была переделана на белую. В описи 1802 года дано следующее описание этой печи: «Средина бита глиняна, кругом окладена кирпичем, устье, кожух выводной кирпичней же, а дымоход поставлен 1800 года на мирской кошт Дорогорской волости крестьянином Дмитрием Потроховым; при ней полукрючье железное, подпыльник хранитца в трапезы, у кожуха выюшка железна и запирка, в трапезы потолок черной»²¹.

Позднее потолок в трапезной был заменен на белый. Так, в описи 1824 года сказано сказано, что потолок в трапезе «белой бревенчатой»²².

К 1802 году восьмиконечные кресты на церкви были заменены на четырехконечные, об этом свидетельствует опись 1802 года, где сказано: «церковь шатровая о пяти главах, а кресты четырехконечны»²³. Это же подтверждает опись 1824 года: «Оная церковь о пяти главах, кресты четырехконечны ветхи, чешуя ветхая же»²⁴.

В описи 1802 года дано также подробное описание окон и дверей церкви: «...в олтаре... два окна колодные, третие маленко, в них окольные две стеклянные, третия слудена. В церкви

пол тесаный в обрез с сажень повыше для уступа...потолок тесаный,... окна три колодные, в них околицы стеклянны по шти листов (разделенные переплетом на 6 стекол. – Н.О.). Из церкви в трапезу двери створны двоины на крюках двойных, замок задорожной большой руки, други двери решодчатые, замок весучей, пруд железной и три скобы железны же...; в трапезы... четыре окна, все колодные, в двух окнах околицы стеклянны болшия, в третем окошке слудена, в четвертом ставнем заставлено за неимением околицы...; из трапезы в паперть двери двойны же на двоих крюках, из паперти на крыльцо двери створны на крюках...»²⁵.

В этой же описи сообщается о домах священнослужителей: « У священника изба старая и двор старой, хлев и клеть старья...горница белая. У дьячка изба, двор старой, весьма обветшалой и хлев старой же. У пономаря двор и клеть... куплены из церковной казны»²⁶.

В описи 1824 года сообщаются внешние размеры церкви: «По фундаменту трапеза длина и ширина равна четыре сажени, церковь по фундаменту в длину три сажени, в ширину тоже, святой олтарь равен две сажени с половиною. Паперть в ширину четыре сажени и длина две сажени»²⁷.

В этой же описи впервые сообщается об окнах – «проймах», прорубленных в стене между церковью и трапезой: «... по леву сторону дверми проймы сквось стену, перетяги железныя из церковную сторону. Ставни на крюках железных... по северну сторону дверей пройма, в ней перетяга железная со ставнем на крюках»²⁸. Такие окна – «проймы» делались для того, чтобы во время церковной службы те из молящихся, которые не вместились в самую церковь, могли следить за службой²⁹.

В описи 1824 года также отмечено, что «в трапезы кругом лавки подле стены с брусками и на середине две лавки по обоей стороны дверей церковных, по столбу в лавки пол тесаной, против пройма с северную сторону под потолком продухи в церковь и в трапезу и при нем ставень на крюках»³⁰. В этой же описи впервые упоминается деревянная ограда вокруг церкви³¹. Согласно описи 1834 года она была «ис деревянных круглых бревен, забранная в столпы с одними створными и другими одними воротами, замков не имеетца»³¹.

В описи 1841 года сообщается, что Кимженская Одигитриевская церковь «построена... попечением крестьян. Высотою 18 сажень, о пяти главах. Покрыта чешуею, в ней первая дверь со внешней стороны запирается решеткою деревянною, железным прутком и висячим замком; со внутренней стороны дверь из досок, запирается задвижным замком». Здесь же сообщается, что все окна церкви теперь имеют «стеклянные окончины», в трапезной церкви «печь одна кирпичная, при ней чугунные вьюшки». Колокольня «об одной главе, крыта чешуею, о двух

полах, дверей не имеется». Деревянная ограда вокруг церкви «забранная в столпы», имеет двое ворот, которые запираются «первые в скобы задвижкой, а вторые железной наметкою»³².

В этой же описи сообщается о домах священнослужителей: «Дом священника деревянный, при нем два покоя жилых, кладовая, хлев и скотный двор. Ограды около его нет, расстоянием в 16-ти саженьях от церкви. Дьяческий дом деревянный, при нем один жилой покой, кладовая, хлев и скотный двор ветхий. Расстоянием в 22-х саженьях от церкви. Амбар священнический с задвижным замком. При нем погреб ветхий. Пономарского дома нет»³³.

Опись 1856 года содержит самые краткие сведения о Кимженской Одигитриевской церкви: «...храм построен в виде продолговатого квадрата, а восточная сторона выдается одним полукружием, кровля церкви на четыре ската, ниже этой кровли над трапезою и папертью на два ската, над крышею церкви возвышается пять глав и все покрыты чешуею»³⁴.

В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» (1895 г.) сообщается, что все главы церкви завершаются «восьмиконечными крестами». В 1876 году «шатры и главы церкви... покрыты деревянною чешуею. Снаружи здание храма не обшито, а внутри стены и потолки обшиты досками и выкрашены голубою краскою»³⁵. Здесь же сообщается: «Прежняя же колокольня заменена в 1877 – 1878 гг. новою (над церковною папертью) с небольшим конусообразным шестигранным шатром, завершающимся главою и крестом»³⁶.

Надо полагать, что к этому времени прежняя каркасная паперть церкви была заменена на новую, бревенчатую, иначе бы она не выдержала надстроенной над ней колокольни и размещенных на ней колоколов.

В архивных документах сохранился чертеж церкви, датируемый 1880 годом³⁷. Очевидно, его появление было связано с предшествующими ремонтами церкви. На этом чертеже колокольня над папертью показана не шестигранная, какой она была в натуре, а четырехгранной.

В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» коротко сообщается также о внутреннем убранстве церкви, об обеспечении ее утварью, средствами к содержанию: «Иконостас двухъярусный; иконы, особенно во втором ярусе, старинныя. Антиминс холщевый, священнодействован епископом Иосафом 16 февр. 1763 г. Утварь церковная незначительна по количеству, но прилична по качеству; ризница весьма недостаточна, плоха и ветха. Средствами к содержанию храма служит арендная плата (в 1894 г. 58 р. 45 к.) за 389 саж. сенокоса, кружечно-кошельковый сбор (1 р. 20 к.) и прибыль от продажи свеч (29 фунт)»³⁸.

Среди богослужебных книг в Одигитриевской церкви имелось «Евангелие на престольное, допетровской печати 7148 (1540) года, на нем распятие и Евангелисты медныя». Здесь же

имелось «Евангелие киевской печати, обложенное бархатом с золотым обрамлением, распятие и Евангелисты медные»³⁹.

Новые данные об Одигитриевской церкви мы находим в архивных документах 1895 года. Так, Кимженские крестьяне, на собранном ими 30 апреля 1895 года сельском сходе решили, что церковь нужно срочно ремонтировать, и, ссылаясь на свою бедность, обратились к епархиальному начальству с просьбой выдать им сборную книгу на один год для сбора пожертвований на ремонт церкви⁴⁰. Архангельская духовная консистория выдала сборную книгу и разрешила произвести в Кимженской Одигитриевской церкви необходимые исправления: «подвести новые подполки как под церковь, так и под трапезою, под церковь из соснового леса, а под трапезою из лиственничного, перебрать старые полы, а так как последняя и по переборки останутся неровными – с большими углублениями и ваыбоинами от ног и ненадежными от гнилости, то на них не на толстых балках... сделать новую настилку, вроде второго пола, из соснового леса, такую же настилку сделать и в алтаре, без переборки пола. Затем над трапезою и папертью устроить новую кровлю без жолобов и новое вместо ветхаго, крыльцо в старом виде и по плану на срубе из лиственницы»⁴¹. Разрешение на ремонт церкви было дано 19 сентября 1895 года, но ремонт ее затянулся на шесть лет.

Сбор средств и материалов для ремонта Одигитриевской церкви был организован не только среди прихожан Кимженского прихода, привлекались к участию в этом деле прихожане других приходов Мезенского уезда и даже жители соседних уездов.

Принял участие в этом деле также настоятель Кронштадского Андреевского собора Иоанн Сергиев (Кронштадский). В марте 1901 года он пожертвовал на ремонт церкви 199 рублей 75 копеек, а в декабре того же года – 100 рублей⁴². В июле 1902 года он же пожертвовал 100 рублей на ремонт священнического дома в Кимженском приходе⁴³.

В январе 1902 года Архангельским епархиальным начальством была объявлена признательность мезенскому купцу Ивану Ефремовичу Ружникову, крестьянину Пинежского уезда Григорию Васильевичу Нифантьеву и его жене Александре Федоровне за беспошлинный отпуск материалов на ремонт Кимженской Одигитриевской церкви, а священнику Кимженского прихода Василию Сидорову за заботу о благоустройстве приходского храма, выразившуюся в изыскании средств на ремонт оног⁴⁴.

Характер проведенных работ отражен в акте освидетельствования церкви после ремонта, составленном 18 июля 1901 года: «Снаружи: под весь храм, где следовало, подведены лиственничные стойки, церковь вся по наружным стенам обита тесом

и выкрашена белилами на два раза, на всем храме устроена новая крыша и окрашена мумиею на два раза, глава и купола окрашены зеленью, а кресты кроном на три раза. Внутри в церкви и трапезе перебраны полы, насыпана земля и потом сделана новая настилка в виде второго пола, а в олтаре заново перебран пол, все полы окрашены масляною краскою на два раза... прежняя обшивка стен и потолков в олтаре и церкви окрашена белилами на раз; в трапезе стены и потолки обшиты тесом и выкрашены белилами на два раза; в трапезе на южной стороне два окна увеличены на $\frac{3}{4}$ аршина; печи заново отремонтированы; под колокольную стены обшиты тесом и устроена кладовая, а на колокольной перебран пол и устроена новая рубка и кроме того, заново перестроено крыльцо, Работы произведены прочно и хорошо»⁴⁵.

Архивных документов о более позднем ремонте Одигитриевской церкви нами не выявлено.

О приписной церкви в с. Дорогорском в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» сообщаются следующие сведения: «В селе Дорогорском в 1728 г. на средства местных крестьян устроена была небольшая часовня в честь Рождества Иоанна Предтечи. Вместо нея в 1854 г. из Заакаурского прихода была перенесена старая Николаевская церковь (освященная в 1740 г.) вместе с некоторыми иконами и освещена в честь Рождества Иоанна Предтечи. Эта церковь 13 февраля 1873 г., по неосторожности сторожа, сгорела. Вместо сгоревшей построена новая, освященная 22 ноября 1875 г. местным священником Трофимом Прялухиным и существующая до настоящего времени. Храм этот имеет вид креста, одноглавый, снаружи обшит тесом и окрашен. Над папертью стоит небольшая колокольня. Ни угодий, ни капитала храм не имеет, кружечно-кошелькового сбора в 1894 г. поступило 1 р. 15 к.; свеч продано 23 фунта»⁴⁶.

В Кимженском приходе было две школы грамотности: одна в Кимже, другая в с. Дорогорском. Кимженская школа грамотности была открыта 6 октября 1894 года, она помещалась в церковной трапезе. Обучение вел местный священник при содействии дьякона. В ней в 1894-1895 учебном году обучалось 23 мальчика и 9 девочек. В с. Дорогорском школа грамотности была открыта в октябре 1893 года и помещалась в наемной крестьянской квартире. В 1894-1895 году в ней обучалось 44 мальчика и 36 девочек. В то время обучение по всем предметам, под руководством приходского священника, вели окончившие курс в Мезенском двухклассном приходском училище Петр Калинин и Николай Увакин, которые получали за обучение оба вместе 14 рублей 50 копеек в месяц (6 рублей от крестьян и 8 рублей 50 копеек то Епархиального Училищного совета)⁴⁷.

Причт Кимженского прихода в 1895 году имел 5 десятин земли, получал жалованья 215 рублей 60 копеек и дохода до 15 рублей; размещался в двух общественных домах, устроенных в 1875 – 1880 годах⁴⁸.

По имеющимся сведениям священниками Кимженского прихода были: Лука Афанасьев до 1725 года, после чего приход оставался праздным два года; Иуда Попов (1727 – 1734), после чего 14 лет не было священника; Иван Сидоров (1748 – июнь 1803), Григорий Шмаков (конец 1803 – март 1820), Алексей Васильев Спирихин (1821 – июнь 1824), Варсанофий Гагарин (1824 – апрель 1829); после чего приходом заведовали поочередно священники соседних приходов – Лампоженского, Заакаурского и Козьмогородского; Иван Иванов (1840 – январь 1853), Аникита Шульгин (июнь 1848 – июль 1853), Трофим Прялухин (сентябрь 1853 – февраль 1894)⁴⁹.

В марте 1894 года священником Кимженского проихода был назначен Николай Новиков, переведенный сюда из Пинежского собора ⁵⁰. Дата окончания его службы в приходе не установлена. После Новикова до декабря 1898 года священником Кимженского прихода служил Владимир Шилов ⁵¹.

После этого священниками Кимженского прихода были Василии Сидоров (1899 – февраль 1909) ⁵² и Яков Вишняков (1910 – сентябрь 1913) ⁵³.

Последним священником Кимженского прихода был Василий Осипович Гольчиков. Он был назначен на эту должность в сентябре 1913 года, а до этого был учителем церковно-приходской школы в Канинском приходе Мезенского уезда ⁵⁴. Василий Осипович нес службу в приходе до его ареста в 1935 году, но об этом наш рассказ впереди.

Говоря об уникальности Кимженской Одигитриевской церкви и всего кимженского ансамбля, М.И. Мильчик в своей книге «По берегам Пинеги и Мезени» пишет:

«Храм неразрывно связан со всем окружением; отдельные его части располагаются уступами так же, как и порядки домов, один над другим; крыльцо, притвор, трапезная своими пропорциями и кровлями напоминают формы изб, но в тоже время вертикальной устремленностью (высота до креста более тридцати семи метров) церковь противостоит горизонтальным линиям берега и растянувшемуся по нему селу. Храм находится примерно по середине площади, так что между ним и окружающими домами – разрыв. Свободное пространство вокруг, в отличие тесноты рядовой застройки, усиливает впечатление исключительности сооружения, «выходящего из ряда вон», помогает при подходе к церкви увидеть ее всю, в полный рост. И еще любопытно: церковь поставлена как раз у излучины реки так, что порядки домов, повторяющие изгибы берега, с обеих сторон упираются в церковную площадь. Значит, маковки были видны почти из любой избы. А для всех подплывающих к

селу церковь возвышалась впереди, как цель, как маяк.

Ее архитектура, как видим, во многом определялась местом. Перенесенный отсюда

памятник многое потерял бы в своей художественной логике. Такой Одигитриевская церковь могла возникнуть только здесь. Если рубили бы ее мезенцы в другом селе, то можно сказать наверняка – даже при повторении того же типа, пропорции ее были бы другие»⁵⁵.

К сожалению, сейчас этот уникальный памятник деревянного зодчества Русского Севера, находится в плачевном состоянии. Храм нуждается в неотложной реставрации. Правда, несколько лет тому назад на деньги, выделенные федеральными властями, была сделана попытка реставрации церкви, Были приглашены плотник из Архангельской плотницкой школы. Они заменили семь нижних венцов, но закончились деньги, и дело реставрации затянулось на долгие годы. А время не ждет. В стенах храма зияют дыры, а колокольня вот-вот упадет.

Не упустить бы время, а то развалится храм полностью, и нечего будет реставрировать.

Примечание

¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 314 – 315.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. «Поместный приказ». Ед. хр. 15055. Л. 229.

³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117. Л. 287; Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 315.

⁴ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209.

⁵ Там же. Л. 55; Лютикова Н.П. «Шатровая о пяти главах» (новые материалы об Одигитриевской церкви в с. Кимжа Мезенского района Архангельской области) // Проблемы реставрации и исследования архитектурного наследия Русского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1989. С.137.

⁶ Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 137.

⁷ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209. Л. 56; Лютикова Н.П. указ. соч. С.138.

⁸ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209. Л. 57 – 57 об.; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 140.

⁹ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209. Л. 68; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 138.

¹⁰ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209. Л. 69; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 140.

¹¹ ГААО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 209. Л. 68; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 140.

¹² Бартенев И.А., Федоров Б.Н. Архитектурные памятники Русского Севера. Л. – М., 1968. С. 230 – 232.

¹³ Мильчик М.И. Веркольский монастырь в иконографии XVII – XVIII вв // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1987. С. 490, 492.

¹⁴ Лисенко Л.М. Национальные особенности памятника деревянного зодчества в с. Кимжа // Архитектурное наследие. М., 1975. Вып. 23. С. 78 – 79; Мильчик М.И. Веркольский монастырь... С.492.

¹⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117. Л. 287.

¹⁶ Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 137.

¹⁷ Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. С. 102 – 103.

¹⁸ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 315.

¹⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 170, Л. 287 об.; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 141 – 142.

²⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 319. Л. 145.

²¹ Там же. Д. 117. Л. 287 об.; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 141.

²² ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 170. Л. 340 об.; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 141.

- ²³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117. Л. 282.
- ²⁴ Там же. Д. 170. Л. 336.
- ²⁵ Там же. Д. 117. Л. 287 – 287 об.; Лютикова Указ. соч. С. 140 – 141.
- ²⁶ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 117. Л. 288.
- ²⁷ Там же. Д. 170. Л. 336.
- ²⁸ Там же. Л. 340 об.
- ²⁹ Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 141.
- ³⁰ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 170. Л. 341 – 341 об.
- ³¹ Там же. Д. 319. Л. 145 об.; Там же. Д. 170. Л. 336.
- ³² Там же. Д. 319. Л. 145 – 145 об.
- ³³ Там же. Л. 145 об.
- ³⁴ Там же. Д. 720. Л. 1.
- ³⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 315 – 316.
- ³⁶ Там же. С. 315.
- ³⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 6992. Л. 55 об. – 56.
- ³⁸ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 316.
- ³⁹ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 2386. Л. 6.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 6992. Л. 2; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 142.
- ⁴¹ Там же. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 6992. Л. 9 об.; Лютикова Н.П. Указ. соч. С. 142 – 143.
- ⁴² Архангельские епархиальные ведомости (далее АЕВ). 1901. № 6. С. 69; Там же. 1901. № 23. С. 302.
- ⁴³ АЕВ. 1902. № 15. С. 210 – 212.
- ⁴⁴ Там же. № 1. С. 18.
- ⁴⁵ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 6. Д. 6992. Л. 72, 74 – 74 об.
- ⁴⁶ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. С. 316.
- ⁴⁷ Там же. С. 316 – 317.
- ⁴⁸ Там же. С. 317.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ АЕВ. 1894. № 5. С. 94.
- ⁵¹ Там же. 1898. № 23. С. 443.
- ⁵² Там же. 1909. № 5. С. 79.
- ⁵³ Там же. 1910. № 20. С. 245.
- ⁵⁴ Там же. 1913. № 21. С. 262.
- ⁵⁵ Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. С. 104 – 105.

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В МЕЗЕНСКОМ УЕЗДЕ

Мезенский уезд издавна был известен своей приверженностью к расколу. Этому в известной мере способствовало то, что на Мезени в Окладниковой слободе с декабря 1664 года по февраль 1665 года находился в ссылке вождь и идеолог русского церковного раскола протопоп Аввакум. После отправки его в Москву на суд собора и последующей ссылки в

Пустозерск, здесь оставалась его жена Анастасия Марковна с детьми и его верные ученики юродивый Федор, родом с Мезени, и москвич Лука Лаврентьевич. Через них Аввакум посылал свои послания на волю, и Окладникова слобода была центром по переписке и распространению его посланий.

За хранение и распространение посланий Аввакума юродивый Федор и Лука Лаврентьевич по приказу властей в марте 1670 года были повешены в Окладниковой слободе, а жена Аввакума вместе с детьми здесь же была посажена в осыпную земляную тюрьму. Мезенские старообрядцы почитали казненных Федора и Луку за святых. На месте их захоронения установили «срубец мал покровен» и это место стало местом поклонения староверов не только с Мезени, но из других мест России ¹.

Поэтому не случайно в 20-х годах XVIII века сюда устремились нижегородские старообрядцы, бежавшие на Север после разгрома нижегородских старообрядческих скитов по реке Керженец. Они положили начало основания старообрядческих скитов по рекам Койде и Майде (Ануфриевский скит), Ручьи (Игнатьевский скит) на Зимнем берегу Белого моря ² и по притоку Мезени реке Семже («Семженские кельи») ³.

В те же годы XVIII века мезенскими крестьянами – старообрядцами, бежавшими от преследования властей, были созданы скиты по притокам Мезени – Пезе и Кимже, по рекам Оме и Вижасу и по притокам Печоры – Пижме, Цильме и Колве. По Мезени наибольшее распространение старообрядчества имело место среди крестьян Юромской, Азапольской и Дорогорской волостей. В состав последней в то время наряду с другими деревнями нижней Мезени входили деревни Семжа и Кимжа.

В ответ на распространение старообрядчества в Мезенском уезде губернские власти принимают карательные меры.

Напуганные преследованием властей крестьяне-старообрядцы д. Азаполье в ночь на 29 декабря 1724 года, сговорившись, с семьями собрались «в единую избу» и учинили самосожжение. Всего с малолетними детьми сгорело здесь 109 человек ⁴.

В декабре 1743 года «для сыску и взятия потаенных раскольников», скрывавшихся в лесах Мезенского уезда, из Архангельска была направлена специальная воинская карательная экспедиция. Приход этой экспедиции вызвал массовое самосожжение старообрядцев в скитах: 7 декабря 1743 года в Великопоженском ските по реке Пижме сгорело 78 человек ⁵, 5 января 1744 года в Езевецком ските по реке Пезе – 24 человека и 12 января того же года в ските по реке Оме – 15 человек ⁶. Карательной экспедицией был подвергнут также разорению Ануфриевский скит, сельбища – кельи которого находились на зимнем берегу Белого моря по рекам Койде и Майде ⁷.

В результате карательных мер, принятых губернскими властями, прекратили также свою деятельность Игнатьевский скит по реке Ручьи на берегу Белого моря и скит по реке Вижас.

В начале XIX века Великопоженский, Ануфриевский и Игнатьевский старообрядческие скиты усилиями местных крестьян – старообрядцев и вновь пришедших сюда старообрядцев из других мест России, при активной помощи жителей окрестных поселений, возобновили свою деятельность. Так, например, в конце XVIII века Великопоженский скит насчитывал уже более ста скитян⁸, а в Ануфриевском ските в 1802 году было 20 келий⁹.

Но в то же время, следует отметить, что в XVIII веке и во второй половине XIX века, вследствие притеснения властей, старообрядчество на нижней Мезени не имело широкого распространения. По отчету комиссии по делам раскола, там в 1893 году числилось всего лишь 74 старовера¹⁰.

В начале XX века Мезенский уезд стал сферой влияния старообрядцев поповского австрийского толка, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, с центром в Нижнем Новгороде. Центром распространения старообрядчества австрийского толка на Мезени явился старообрядческий скит «Семженские кельи», расположенный на правом берегу притока Мезени – реке Семже, в 18 верстах от селения Семжа.

В начале XX века в этом ските, называемом официально выселок Семженский, проживали мезенские старообрядцы во главе с начетчиком–крестьянином из с. Семжи Павлом Васильевичем Филатовым, который, будучи в Нижнем Новгороде по торговым делам, познакомился там с местными купцами–старообрядцами австрийского толка и под их влиянием принял их веру. Нижегородские купцы–старообрядцы, заинтересованные в распространении своего влияния на Севере и в частности в Мезенском уезде, направили на Мезень вместе с Павлом Филатовым своего священника, уроженца деревни Верхней Березницкой Лешуконской волости Мезенского уезда Григория Яковлевича Ситникова¹¹.

В июле 1903 года в помощь Павлу Филатову и Григорию Ситникову для усиления пропаганды старообрядчества австрийского толка в Мезенском уезде на Мезень прибыли из Нижнего Новгорода подготовленные старообрядческие начетчики: крестьянин Нижегородской губернии и уезда Каменской волости села Спирина Алексей Сергеевич Старков и крестьянин Оренбургской губернии Троицкого уезда Миасской волости Иван Степанович Жмаев¹². Они поселились в с. Семже, и развернув свою деятельность по вовлечению в старообрядчество австрийского толка мезенцев, выезжали в ближайшие села и в г. Мезень¹³.

В том же году на Мезени побывали нижегородские старообрядческие священники Николай и Алексей. Они проводили молебны в с. Семжа и в ските «Семженские кельи». На эти молебны приезжали крестьяне из ближайших поселений и мещане г. Мезени¹⁴.

После манифеста 1905 года о веротерпимости в Мезенском уезде появляются официально зарегистрированные старообрядческие общины в Койде, Семже, Кимже, Дорогорском и Березнике. Центрами старообрядчества на нижней Мезени были села Семжа и Кимжа. С разрешения властей появляются старообрядческие храмы. По ходатайству семженских крестьян-старообрядцев, приемлющих старообрядчество Белокриницкой иерархии первым в 1908 году был воздвигнут старообрядческий храм старообрядцев австрийского толка в с. Семжа, где обязанности священника исполнял старообрядческий священник Григорий Ситников, а обязанности псаломщика – старообрядческий начетчик Иван Жмаев¹⁵.

Усилилась связь местных старообрядческих общин старообрядцев австрийского толка с центром Белокриницкой иерархии. В период с 14 июля по 6 августа 1912 года на Мезени побывал старообрядческий Ярославско-Архангельский епископ Игнатий. В сопровождении старообрядческого священника Григория Ситникова и начетчика Жмаева он посетил села Койду, Семжу и Верхний Березник Ущельского прихода. В этих селах с участием местных старообрядцев и из ближайших мезенских поселений он провел богослужения и крестные ходы с молебнами. В Койде и Верхнем Березнике богослужения проводились в походной церкви, а в Семже – во вновь построенном старообрядческом храме¹⁶.

В августе 1912 года причт старообрядческой церкви с. Семжи в лице старообрядческого священника Григория Ситникова и начетчика Ивана Жмаева проживал в с. Кимже, откуда выезжал в с. Дорогоское, вел здесь усиленную пропаганду среди православных и старообрядцев-беспоповцев и «не безуспешно», совратив в австрийскую духовную секту около десяти жителей этих сел¹⁷.

В зиму 1913 – 1914 годов в Кимже проживал старообрядческий священник Пайсий – семженский крестьянин Павел Филатов, рукоположенный в сан священника 20 июля 1913 года старообрядческим епископом Игнатием. Он имел при себе походную церковь и совершал здесь церковные обряды среди старообрядцев австрийского толка¹⁸.

Койденские крестьяне-старообрядцы, приемлющие священство Белокриницкой церкви, в количестве 53 человек, в апреле 1912 года обратились с ходатайством в Архангельское губернское правление разрешить построить в с. Койде старообрядческий храм во имя Николая Чудотворца за счет собственных средств и в том же году получили разрешение на строительство этого храма. Закладка храма была произведена в июле 1912 года с участием старообрядческого Ярославско-Архангельского епископа Игнатия¹⁹. Храм был построен и освящен в 1913 году²⁰.

В результате активной пропагандистской деятельности предводителей старообрядцев австрийского толка австрийские общины на Мезени переманивали к себе как православных, так и старообрядцев-беспоповцев поморского толка. Так, койденский наставник поморцев

лишился почти всей своей паствы. В Кимже, где беспоповцы имели свой молитвенный дом и довольно грамотного наставника, 49 дворов придерживались старообрядчества австрийского толка и только 6 – поморского толка. В селе Семже все староверы перешли в в Белокриницкую церковь²¹.

По отчетам духовенства в 1913 году по Мезенскому уезду было отчислено из православия к австрийскому поповщинскому расколу 45 человек. Общая численность старообрядцев австрийского толка по Мезенскому уезду за 1913 год составляла 309 человек²². Они проживали в основном в Койденской и Несской волостях (в последнюю входила и Семжа) и на нижней Мезени в селах Кимжа и Дорогорское. Всего же, по свидетельству духовенства, в 1914 году 94 % староверов Мезенского уезда придерживались австрийщины²³.

Из Москвы мезенским старообрядцам регулярно поступала литература – журналы «Церковь», «Златоструй», Старообрядческий календарь.

Существенную материальную поддержку мезенским старообрядцам австрийского толка оказывал проживавший в селе Дорогорском купец Иван Бозов, уроженец села Важгорт Удорского края – сын руководителя удорских раскольников-филипповцев Петра Афанасьевича Бозова. Иван Бозов имел в Дорогорском большой двухэтажный деревянный дом, занимался скупкой у местного населения мехов, рыбы, дичи и перепродажей их в Архангельске и имел капитал до 40 тысяч рублей²⁴.

По ходатайству кимженских крестьян-старообрядцев австрийского толка в количестве 25 человек в октябре 1914 года губернскими властями было дано разрешение на постройку в Кимже деревянной часовни во имя явления иконы Смоленской Пресвятой Богородицы с жилым помещением при ней взамен молельни, имевшейся в жилом частном доме. На постройку этой часовни кимженскими крестьянами-старообрядцами было собрано наличных денег 400 рублей и заготовлено 300 бревен леса. В следующем году часовня была построена²⁵.

Нужно отметить, что старообрядчество толкало верующих на педантичное соблюдение различных предписаний. Богослужения у старообрядцев были более продолжительными и устраивались раньше, чем у православных, так как считалось, что «молитва в одно и то же время со шепотниками не угодна Богу». Посты старообрядцы соблюдали строже, чем православные. Так, житель Кимжи Федор Митькин в 1973 году, при посещении Кимжи участниками научной экспедиции, рассказывал: «Мой отец в великий пост не ел даже рыбу, а мясо и молоко не употреблял в пищу в течение всего года. Первую и последнюю неделю великого поста ел всего лишь один раз в день»²⁶.

Таковы некоторые факты из истории старообрядчества в Мезенском уезде, в том числе в Кимже.

Примечания

¹ Окладников Н.А. Пустозерские страдальцы (Из истории пустозерской ссылки XVII – XVIII вв.). Архангельск, 1992. С. 7 – 56; Окладников Н.А. Острог на Печоре. О государственной крепости, протопопе Аввакуме и его союзниках. Архангельск, 1999. С. 247 – 288.

² Окладников Н.А. История Ануфриевского старообрядческого скита (XVIII – начало XX вв.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы VII Международной конференции, проходившей 22 – 24 февраля 2005 г. в Москве и Боровске. Т. I. Москва, 2005. С. 32 – 42.

³ Окладников Н.А. История старообрядческого скита «Семженские кельи» и о деятельности старообрядцев австрийского толка на Мезени (XVIII – начало XX) // Архангельск старообрядческий. Архангельск, 2006. № 3. С. 6 – 8; № 4. С. 2 – 7; № 5. С. 3 – 8.

⁴ Шульгин Н.В. «Згорелые люди» // Правда Севера. 2001. 30 мая.

⁵ Окладников Н.А. Принесли себя в жертву ради сохранения «древлего благочестия» (О самосожжении старообрядцев в Великопоженском ските в 1743 году) // Печорские были. Научно-исторический и культурно-публицистический альманах. Нарьян-Мар, 2001. № 4. С. 45 – 54.

⁶ Окладников Н. О судьбе старообрядческих скитов по рекам Пезе, Оме и Вижасу (Мезенский уезд XVIII век) // Поморская речь. Информационный вестник. Архангельск, 2006. № 1. С. 4 – 5.

⁷ Окладников Н.А. История Ануфриевского старообрядческого скита ... С. 34 – 35.

⁸ Окладников Н.А. Принесли себя в жертву ради сохранения «древлего благочестия» ... С. 49 – 50.

⁹ Окладников Н.А. История Ануфриевского старообрядческого скита... С. 36.

¹⁰ Гагарин Ю.В. Старообрядчество на Мезени и Пинеге в XIX – начале XX вв. // Вопросы социально-экономической истории Коми края. Труды института языка, литературы и истории. Вып. 23. Сыктывкар, 1980. С. 88.

¹¹ Там же. С. 88 – 89; АЕВ. 1903. № 18. С. 672 – 673.

¹² ГААО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1090. Л. 21 – 22; Гагарин Ю.В. Указ. соч. С. 88.

¹³ АЕВ. 1903. № 18. С. 673 – 674.

¹⁴ ГААО. Ф. 210, Оп. 1. Д. 914-а, Л. 1, 3.

¹⁵ Там же. Ф. 29. Оп. 2. Т. 4: Д. 887. Л. 2.

¹⁶ Там же. Ф. 29, Оп. 1. Д. 1090. Л. 184, 373 – 374.

¹⁷ Там же. Л. 374.

¹⁸ Там же. Л. 197 – 198.

¹⁹ Там же. С. 320 – 324.

²⁰ Там же. Ф. 29. Оп. 2. Т. 6. Д. 964-а. Л. 1 – 4.

²¹ АЕВ. 1915. № 14. Приложение. С. 40 – 41.

²² Павловский П. Миссионерский отчет о состоянии раскола старообрядчества и сектанства в Архангельской епархии и о деятельности епархиальной миссии против раскола-сектанства за 1913 год. Архангельск, 1914. С. 1 – 3.

²³ Гагарин Ю.В. Указ. соч. С. 90. АЕВ. 1915. № 14. Приложение. С. 40 – 41.

²⁴ Гагарин Ю.В. Указ. соч. С. 94; Прокуратова Е.В. Родословия и библиотека удорских крестьян-старообрядцев Бозовых // Старообрядчество история, культура, современность. Материалы VII Международной научной конференции. Т. II. М., 2005. С. 216 – 217.

²⁵ ГААО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 1090. Л. 210 – 211, 243.

²⁶ Гагарин Ю.В. Указ. соч. С. 96

ПОСТРАДАВШИЕ ЗА ВЕРУ ХРИСТОВУ *

В 20 – 50-х годах XX века в Архангельской губернии и области за религиозные убеждения были подвергнуты репрессиям духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви. Не обошли стороной репрессии священнослужителей, прихожан мезенских приходов и старообрядцев, проживавших в Мезенском и районе, в том числе на территории Кимженского прихода.

* Публикуется по материалам Биографического справочника «За веру Христову. Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918 – 1951)». Архангельск, 2006.

В 1935 году по обвинению в «контрреволюционной агитации» в с. Кимже были арестованы священник Кимженского прихода Гольчиков Василий Осипович (30 апреля), председатель церковного совета приходской церкви Кузнецова Домна Владимировна (6 марта) и в с. Дорогорском прихожанин местной церкви Сахаров Федор Матвеевич (5 марта).

Гольчикова В.О. обвинили в «создании контрреволюционной группировки», а также в том, что «устраивал нелегальные сборища церковников, вел антисоветскую агитации среди крестьян о тяжелой жизни при Советской власти» и «организовал массовое выступление крестьян против закрытия церкви в Кимже.»

Кузнецову Д.В. обвинили в том, что вместе со священником Гольчиковым В.О. «организовала массовое выступление крестьян против закрытия церкви в Кимже», а Сахарова Ф.М. в том, что «препятствовал закрытию церкви в с. Дорогорском».

По постановлению особого совещания НКВД (Народного комиссариата внутренних дел) СССР 21 сентября 1935 года Гольчиков В.О. и Сахаров Ф.М. были заключены в ИТЛ (исправительно-трудовой лагерь) на три года, а Кузнецова Д.В. – выслана в Северный край на три года (С. 121, 270, 492).

Гольчиков В.О. родился в 1884 году в д. Усть-Низемская Мезенского уезда в семье торговца. Окончил учительскую школу и с 1901 по 1913 год трудился учителем. До перевода в Кимженский приход был учителем церковно-приходской школы в Канинском приходе в Мезенском уезде. Служил священником в приходском храме в с. Кимжа до ареста в 1935 году. Будучи осужден заключению в ИТЛ на три года, наказание отбывал в г. Караганде. После освобождения проживал в г. Архангельске, служил священником в церкви Мартина Исповедника. В 1949 году возведен в сан протоиерея. Умер в 1966 году и похоронен на Соломбальском кладбище в г. Архангельске (С. 121).

В 1937 году по обвинению в «контрреволюционной агитации» в с. Кимжа были арестованы прихожанин Кимженской Одигитриевской церкви Федорков Иван Михайлович (3 ноября) и старообрядцы Крупцова Анна Александровна (16 октября), Митькины Иван Александрович и Иван Васильевич (9 ноября), в с. Дорогорском прихожанка местной церкви Тярасова Анисья Федоровна (25 сентября).

Митькин И.В. и Тярасова А.Ф. были признаны активными участниками «контрреволюционной группировки церковников», а Федорков И.М. и Митькин И.А. – просто ее участниками. Кроме того, Митькин И.В. обвинялся в том, что поддерживал связи со старообрядческими священниками, после закрытия церкви организовал церковную общину и в его доме совершались тайные богослужения. Тярасова А.Ф. обвинялась также в том, что в ее доме находили приют ссыльные священники и совершались тайные богослужения, организовала выступление верующих за открытие церкви в с. Дорогорское.

По постановлению особой тройки УНКВД (Управления Народного Комиссариата Внутренних дел) от 8 октября 1937 года Тярасова А.Ф. заключена в ИТЛ на десять лет. По постановлению того же органа от 20 ноября 1937 года Федорков И.М. и Митькин И.А. также заключены в ИТЛ на десять лет, а Митькин И. В. приговорен к расстрелу и 22 ноября того же года расстрелян. Крупцова А.А. постановлением особой тройки УНКВД 2 января 1938 года также приговорена к расстрелу и 27 февраля того же года расстреляна (С. 260, 333 – 334, 563, 573).

3 ноября 1937 года в поселке Каменка Мезенского района по обвинению в «контрреволюционной агитации» как активный участник «контрреволюционной группировки церковников» был арестован уроженец д. Кимжа Окулов Симон Петрович. Он был также обвинен в том, что поддерживал связи с ссыльным духовенством. По постановлению тройки УНКВД от 20 ноября 1937 года Окулов С.П. заключен в ИТЛ на десять лет (С. 382).

В 1937 году были также подвергнуты репрессиям известные нам предводители мезенских старообрядцев австрийского толка Жмаев Иван Степанович и Филатов Павел Васильевич. В июле 1937 года они были арестованы по обвинению в «контрреволюционной агитации» как активные участники «контрреволюционной группировки церковников» и участники тайных богослужений. Жмаев И.С., кроме того, был обвинен в том, возродил в с. Семже старообрядческую общину. Постановлением тройки УНКВД 2 января 1938 года они были приговорены к расстрелу и в том же году расстреляны: Жмаев И.С. 27 января, а Филатов П.В. 27 февраля (С. 166, 578).

МЕЗЕНСКИЕ МЕЛЬНИЦЫ *

Мукомольные ветряные мельницы являются одним из древнейших и замечательных произведений инженерной и строительной мысли. Они придавали особое своеобразие архитектурному ансамблю деревень на Русском Севере. Широкое распространение ветряные мельницы имели в Мезенском уезде.

Мельницы были неременной частью пейзажа мезенских деревень. В 1870 году их в Мезенском уезде насчитывалось шестьдесят. Так, в Азаполье их было двенадцать, в Кимже – десять, в Дорогорском – шесть, в Мезени и Лампожне – пять, Погорельце – три и в остальных деревнях – по две и по одной.

* Материал опубликован в газете «Волна. 2002. 20 – 26 сентября.

Некоторые исследователи древней архитектуры Русского Севера утверждают, что в конце XIX века ветряных мельниц на Мезени было значительно больше. Так, И.В. Маковецкий свидетельствует, что в то время только в Азаполье их было около тридцати.

Мезенские мельницы отличались особой архитектурой, это был и мельницы – столбовки. Называли их так потому, что основой их являлся врытый в землю столб, окруженный мощным бревенчатым ряжем–срубом, сужающимся кверху. Ряжевая рубка оставляла открытым промежутки между бревнами, что мешало их быстрому гниению и придавало дополнительную устойчивость всему сооружению, которое должно было отличаться особой прочностью, так как на Мезени часто дуют порывистые северные ветры, а мельницы ставились на высоких открытых местах.

На ряжевой подставе вращался мельничный амбар в виде клетки, рубленный «в лапу» из затесанных брусьев. Сколоченные из широких теснин крылья мельницы вращались под напором ветра и через привод, связанный с ветровым валом зубчатой передачей, приводили в движение каменные жернова, расположенные внутри мельничного амбара. Наверх в мельничное помещение поднимались по лестнице.

С изменением направления ветра мельничный амбар поворачивали в нужном направлении с помощью длинного бревна – воротила. А когда мельница не работала, ее крылья вместе с амбаром поворачивали в сторону, обратную от ветра, чтобы избежать поломки их. Поэтому иногда хозяева ходили к своим ветрякам два – три раза в день. Но эти хлопоты стоили того, так как хорошие мельницы размалывали за сутки до 400 пудов зерна.

Говоря о ветряных мельницах–столбовках, известный исследователь деревянной архитектуры Русского Севера А.В. Ополовников писал: «Сам образ такой мельницы настолько русский и так резко отличается от всех других, что это обстоятельство принуждает выделить ее в особый тип и поставить ее на особое место – самое видное»

. Подчеркивая сказочно-фантастический силуэт мельницы-столбовки, он писал, что она выглядит «словно диковинная птица на шесте!»

Среди мезенских ветряных мельниц особой стройностью отличались мельницы в деревне Погорелец. Они были более высокие. Об этих мельницах М.И. Мильчик в своей книге «По берегам Пинеги и Мезени», изданной в 1971 году, пишет, что они «на могучих ряжах встали посредине поля, словно древние воины с копьями на в дозоре».

А вот что сказал о мезенских мельницах знаток и исследователь народного искусства Русского Севера англичанин Рой Грегори, побывавший на Мезени в 1992 году: «Я видел много мельниц. Был во всех странах Западной Европы, кроме Португалии, в Венгрии, Польше, на Украине... Но ничего подобного, как на Русском Севере, я не видел. Мезенские и онежские мельницы совершенно уникальны! Я посмотрел мельницы в Кимже, Козьмогородском и нашел их очень впечатляющими!».

Была своя трогательность в этих, ныне отслуживших свой век, ветряках. Весело они вертелись на высоких берегах у мезенских сел и своим видом радовали селян. Если они

работали, значит был урожай, А когда их черные силуэты стояли неподвижно, это свидетельствовало о неурожайном годе.

Как ни жалко этих удивительных ветряков, их век миновал. Заброшенные и никому не нужные, они ветшали и падали. Из азапольских мельниц сохранилась только одна, да и то благодаря тому, что в свое время была перевезена в Архангельский музей деревянного зодчества в Малые Корелы. А на самой Мезени остались три обветшалых, полуразрушенных мельницы: две в Погорельце и одна в Кимже. Брошенные на произвол судьбы, покосившиеся от времени, с обломленными крыльями уныло стоят они на окраине этих сел, напоминая о своем прошлом. Мне думается, что пока еще не поздно, нужно принять меры, чтобы восстановить и сохранить эти удивительные памятники деревянной архитектуры прошлого. В этом деле своими спонсорскими средствами должны помочь мезенские предприниматели. Восстановленные мельницы были бы хорошим памятником их благотворительности.

Восстановление ветряных мельниц в Погорельце, где недавно на пожертвования местного населения заново восстановлена церковь, придало бы стройный архитектурный ансамбль этой северной деревни. Тем более, что Погорельские мельницы наиболее уникальны из всех мезенских мельниц.

А в таком заповедном уголке Мезени, каким является Кимжа, где лучше других сохранился исчезнувший облик старинных мезенских сел, где в едином ансамбле до сих пор сохранилось многое из того, чем восхищаемся мы в народном деревянном зодчестве, восстановление оставшейся там ветряной мельницы наиболее необходимо.

Всем нам надо понять, что без восстановления и сохранения памятников прошлого нам не возродить Россию.

Источники

- Антипин А. Загадка мезенской мельницы // Север. 1992. 1 июля.
ГАОО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 220, Л. 103; Там же. Ф. 834. Л. 4 – 5, 13 об., 14, 17, 29.
Гунн Г.П. Две реки – два рассказа. М., 1976. С. 148 – 149.
Дмитриева С.. И.Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., «Наука», 1988 С. 124 – 126.
Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955. С. 23.
Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. С. 118 – 120.
Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество Гражданское зодчество М., «Искусство», 1983. С. 202 – 203.

МЕЗЕНСКИЕ КРЕСТЫ *

Крест, как памятник, пришел к нам на Север с новгородцами, у которых обычай ставить кресты был распространен больше, чем в других древнеславянских княжествах. Особенно широкое поклонение кресту получило на Мезени.

Трудно было представить мезенскую деревню без крестов. Старинные деревянные кресты и поныне входят в панораму некоторых мезенских деревень, отражая не только религиозные представления, но и определенные нравственные и художественные принципы жизни русского населения этого края.

Среди северных крестов мезенские кресты представляют особую группу памятников, у них особая стать и художественная выразительность. Эти кресты, как правило, высокие, собраны из толстых, тщательно вытесанных брусьев. Надписи на них выполнены красивым правильным шрифтом и буквы не вырезанные, а наоборот – рельефные. На лицевой поверхности большой перекладины мезенских крестов присутствует надпись: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко и святое воскресение Твое славим», а на лицевой стороне ствола изображается также крест с подножием.

Все это указывает на специализированное ремесленное производство большинства мезенских крестов, особенно на рубеже XIX – XX веков. Их изготовление в основном лешуконское. Видимо это повелось исстари. Так, еще в «Повести об Иване Семенове», написанной в начале XVIII века где-то в Юромской волости, рассказывается о мастере-древodelе из деревни Юромы, который ставил храмы и кресты по всей Мезени.

В 80-х годах XIX века мастерством изготовления крестов славился мастер из деревни Кельмчегоры Юромской волости И. К. Орлов. Им также были расписаны фронтоны в Кельмчегорх и Верхнем Березнике. Искусство изготовления крестов от И. К. Орлова перенял его сын Михаил. Большинство ныне сохранившихся крестов в нижнем течении реки Мезени были изготовлены Михаилом Ивановичем.

* Материал опубликован в газете «Волна». 2003. 24 – 30 января; 7 – 13 и 21 – 27 февраля; 7 – 13 марта.

Среди мезенских крестов выделяются три основные группы крестов. Это прежде всего кресты надмогильные. Установкой кладбищенских надмогильных крестов мезенцы чтили память своих предков, Так, в одном из архивных документов 1879 года дана краткая сводка сорока трех надмогильных крестов, стоявших на кладбище и в церковной ограде села Долгощелье. Немало таких крестов было в Койде, Семже и в других мезенских поморских селах.

С детства помню множество деревянных надмогильных крестов на городском кладбище в Мезени. Они поражали своими большими размерами и изяществом выполненной резьбы на них. На вертикальных брусках этих крестов была вырезана аббревиатура (первые сокращенные слова молитвы). Но, к сожалению, время не пощадило их. Сейчас этих крестов на мезенском городском кладбище практически не сохранилось.

Некоторые исследователи деревянной архитектуры и народного искусства Русского Севера, такие как С.И.Дмитриева и другие, к этой группе крестов относят также кресты, ранее стоявшие в мезенских селах рядом с домом – напротив его переднего угла, около порога, на огороде, объясняя это сохранившимся в этом крае до начала XX века древним славянским обычаем хоронить родственников рядом с жильем. По мнению Светланы Ивановны, этот обычай как нигде долго сохранялся в деревне Кимже. Этому во многом способствовали проживавшие здесь старообрядцы, приверженность которых к старине общеизвестна.

Доктор исторических наук Олег Владимирович Овсянников, не отрицая в принципе существование такого обычая в старину на Мезени, считает, что к большинству крестов, стоящих у домов в некоторых деревнях на Мезени, это отношение не имеет. Эти кресты ранее стояли на земельных наделах крестьян и были перенесены к домам во время коллективизации.

Другую группу мезенских крестов составляют обетные кресты, поставленные по обету (обещанию), данному Богу в благодарность за добро или избавление от какой-либо опасности, или в память о каком-либо горе, или значительном событии.

Чаще всего обещались (освещались) Богу мезенские поморы-промышленники, чья жизнь была связана с опасными морскими зверобойными и рыбными промыслами. Не случайно среди мезенских поморов-промышленников бытовала поговорка: «Кто на море не бывал, тот Бога не маливал». Выйдя на берег живым, помор ставил обетный крест или на берегу моря, в непосредственной близости от места спасения, или у себя в деревне, около дома. Так, в одном из архивных документов 1879 года в селе Долгощелье отмечено четыре обетных креста. Надпись на одном из них свидетельствует о том, что он был поставлен в 1848 году долгощельским крестьянином «Иосафом Ивановым сыном Селиверстовым вместе с

товарищами по обещанию на морских промыслах». В том же году в деревне Сояна Долгощельской волости в 20 саженьях от церкви стоял обетный крест «весьма древний, поставленный крестьянином Долгощельского села Иваном Ивановым сыном Селиверстовым в память хорошего улова рыбы».

По свидетельству известного русского писателя-этнографа С.В. Максимова, посетившего город Мезень в 1856 году, в 1718 году до 24 мая стояла жестокая зима, «когда едва не вымерло все живущее в городе». Вскоре в память об этом в разных местах города было поставлено девять обетных крестов, «свято хранимых в настоящее время».

В 1808 году жители города Мезени потерпели новое бедствие от сильного разлива воды. В память об этом в городе также было поставлено несколько обетных крестов.

В 1879 году в разных местах города стояло 12 обетных крестов. В то же время отмечается наличие таких крестов в Койде, Семже, Дорогорском и других мезенских поморских селах.

Другим поводом для возведения обетных крестов служил болезни, чаще всего детские. Самой распространенной формой обета было обещание пожертвовать «на крест» отрез материи или полотенце. Нередко на таких крестах вешали шелковые платки и клали к подножью креста деньги. Подобные дары еще сейчас можно увидеть на сохранившихся мезенских обетных крестах. Такие кресты сохранились в Кимже, Кильце и в большинстве деревень по притоку Мезени – реке Пезе. На некоторых мезенских обетных крестах можно было вырезанное распятие Христа. Такой крест до наших дней сохранился на берегу реки Мезени, там, где начинается дорога в Кимжу. Другой такой крест стоял в самом селе Кимже в нескольких шагах от знаменитой Одигитриевской церкви на задворках соседнего дома.

Кимженские обетные кресты были более почитаемыми на Мезени, поклониться им и исполнить свой обет ездили за многие километры из соседних мезенских деревень.

Не один обетный крест ранее стоял в деревне Кильцы. Огромный обетный крест до наших дней возвышался на пути из Кильцы в соседнюю деревню Печище. Вырезанная на этом кресте надпись свидетельствовала о том, что он был поставлен в 1876 году.

Большой обетный крест высотой 4 метра 20 сантиметров ранее стоял в селе Азаполье на берегу реки Мезени. На лицевой стороне вертикального бруса этого креста было вырезано несколько молитв и дата «1901 г.». Крест этот был уронен в результате швартовки за него грузовой баржи.

Поражал своим изяществом деревянный обетный крест с великолепно вырезанным на нем рельефным распятием Христа, стоявший у дома известного мезенского мастера Михаила Ивановича Орлова в деревне Заозерье, что находится в 5 км от села Кельмчегоры Лешуконского района. Крест этот ныне находится в Архангельском музее деревянного зодчества в Малых Корелах.

Ставили мезенские поморы кресты и в память о тех, кто не вернулся с моря.

Один из таких примеров группа крестов на Зимнем берегу Белого моря недалеко от села Койды. Стоят они на берегу Койденской губы в двух километрах от села. Один из таких крестов поставлен в память о койденских зверобоях, погибших 25 мая 1910 года на парусной зверобойной шхуне «Иоанн Златоуст».

Есть здесь и другой крест, напоминающий о трагедии, случившейся в 1945 году. Тогда колхозный промысловый мотобот «Каганович», вышедший из Койды на Мурман, во время шторма исчез бесследно в морской пучине около Кольского полуострова, вблизи реки Восточная лица. В 1952 году бортовую доску с названием судна принесло морем и выбросило на берег Койденской губы. Тогда и был поставлен этот крест в память о 14 жителях Койды, погибших на судне. К кресту прикреплена часть бортовой доски с надписью судна.

Как известно, отец нашего великого помора Михаила Васильевича Ломоносова Василий Дорофеевич весной 1741 года погиб в Белом море у острова Моржовец. В 1996 году в 255-ю годовщину со времени гибели Василия Дорофеевича поморы из села Койды установили большой деревянный восьмиконечный памятный крест на Зимнем берегу Белого моря у устья реки Койды, против острова Моржовец.

Существовали на Мезени и охранительные кресты. Они ставились по обочинам дорог, на их перекрестке и на волоках как средство спасения путников от всяких невзгод, приведений и «леших», которые, по преданию, появлялись на этих путях.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в 1879 году два таких креста стояли на дороге при выезде из села Долгощелье.

На высоком берегу реки Рочуги, впадающей в приток Мезени – реку Пезу, там, где начинался 15-верстный Пезский волок, через который в течение пяти столетий (XI- XV вв.) проходил основной водно-волоковой путь на Печору и в Зауралье, по свидетельству члена Петербургской Академии наук Александра Шренка, который проезжал через этот волок в 1837 году, стоял крест, которому поклонялись все, кто проходил через этот волок. Крест этот не сохранился.

В июне 1992 года через этот волок проходили участники российско-украинской историко-географической экспедиции «Ушкуйники–92», совершившие переход на лодках из Архангельска на Печору. Участники экспедиции, в составе которой был и автор этих строк, здесь у начала волока на берегу Рочуги поставили новый деревянный восьмиконечный крест, на верхней перекладине которого вырезали и выжгли надпись «В память всем ходившим этим волоком», а внизу на столбе «Ушкуйники – 92».

Охранительную роль также играли кресты в полях и на поскотине, которые ставились как средство спасения от засух и невзгод, а на поскотине – как средство спасения скота от болезней и хищных лесных зверей.

Архивные документы свидетельствуют, что в 1879 году на полях за селом Лампожня и на лугу стояло около десяти таких крестов.

В деревне Погорелец, в той части ее, которая называется Волость, ранее стоял крест, охранявший землю и урожай на поле крестьянина Романа Падрухина, который, как свидетельствовала надпись на нем, был воздвигнут Романом Падрухиным «1891 г. 8 июня».

После коллективизации многие кресты были убраны с крестьянских наделов и поставлены их владельцами у своих домов. По мнению О.В. Овсянникова и некоторых других исследователей, именно такие кресты до наших дней стояли в деревнях Усть-Пеза и Усть-Няфта. Первый из них датирован 1885, второй – 1879 годом. Такой же крест, датированный 1914 годом, стоял у дома Ивана Михайловича Седунова в деревне Печище.

К таким крестам О.В. Овсянников относит и кресты, стоявшие у домов в деревне Кимже.

В урочище Хрестная (которое ранее называлось Крестная), расположенном на правом берегу притока Мезени – реки Пезы, в 50 км от ее устья, где ранее располагались сенокосные угодья и выгоны для скота жителей деревни Жердь, с незапамятных времен стояла часовня и несколько крестов, которые были установлены с целью прошения у Бога урожая кормов и сохранности скота от болезней и лесных хищных зверей. Со временем часовня и кресты исчезли. В июле 1990 года по инициативе жителя деревни Жердь Федора Ивановича Чуркина жители этой деревни изготовили и установили на том месте деревянный восьмиконечный крест, на котором укрепили доску со следующей надписью: «Вечная память предкам землякам-жердянам за благородный крестьянский труд во имя будущих поколений».

Нередко кресты имели практическое значение.

Поморы ставили кресты на морском берегу как опознавательные знаки, облегчавшие путь на промысел. Недаром на одной из поморских лоций написаны истинно светлые слова:

«И после нас помор на промысел пойдет, как о себе для него след не оставить».

Так, на Зимнем берегу Белого моря у ныне исчезнувшей деревни Инцы на высокой сопке, там, где ныне стоит Инецкий маяк, стоял большой («матеряшой») деревянный восьмиконечный крест. Он был виден далеко на море, и все плававшие в этих краях «с моря по нему свое место на карту клали». На верхней перекладине этого креста были вырезаны буквы «ИНЦЫ».

Два опознавательных креста стояло на мысе Абрамовском на Зимнем берегу Белого моря, там, где ныне стоит Абрамовский маяк.

По-видимому, опознавательную роль играли и кресты на берегу Мезенской губы у села Семжа. Один из этих крестов с датой «1877 года февраля 26 дня» был в свое время вывезен в Архангельский музей деревянного зодчества в Малые Корелы.

В старинных документах нередко указывали на кресты, как межевые знаки на границе земельных владений. Так, в описании 1619 года мы находим следующую запись: «За мезенцем за Дорожкой Ружниковым да за Микиткою Германовым с рыбной ловли и с горних промыслов от Глубокого креста да до Петелиных крестов, оброку и пошлины семь алтын».

Мезенские кресты имеют огромное значение для всей Русской культуры, и нам нужно принять все меры, чтобы сохранить для потомков эти уникальные памятники народного зодчества. Нужно всемерно поддерживать и поощрять народную инициативу по восстановлению и возобновлению этих памятников.

Источники

ГААО. Ф.29. Оп. 4. Т. 2. Д. 4192. Л. 83 – 84, 87 об., 101, 117 – 118, 127.

Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство Европейского Севера. С. 126 – 136.

Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 29.

Малишевский И. О. О придорожных крестах // Стенографический сборник. Книга 1. М., 2001. С.19.

Овсянников Олег, Ясински Марек. О древних крестах Русского Севера // Резные иконостасы и древняя архитектура Русского Севера. Материалы научной конференции. Архангельск 13 – 17 июня 1995 г. Архангельск, 1995. С. 28 – 54.

Овсянников О.В., Чукова Т. А. Крест в культуре Русского Севера XVIII – нач. XX вв. Функции и семиотика // Семиотика культуры. Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара. Архангельск, 18 – 28 сентября 1989 г. Архангельск, 1989. С. 46 – 47.

Овсянников О., Чукова Т. Адрес: Мезень, Кимжа // Ломоносовец, 1997. № 19 – 20. С. 6.

Окладников Н.А. Встреч солнцу. Древние водные пути из Подвинья на Печору и в Западную Сибирь. Нарян-Мар, 2003 С. 18 – 19.

Тюрин Г. Символы памяти. Из истории обетных крестов // Звезда. 1990. 20 марта.

Шренк А. Указ. соч. С. 153.

МЕЗЕНСКИЕ КОНОВАЛЫ *

«Коновал, – как говорится в энциклопедическом словаре Ефрона и Брокгауза, – скотский лекарь-самоучка... С помощью простых снадобий (преимущественно трав) некоторые коновалы очень удачно лечат скотские болезни, но большинство прибегает к заговорам, занимаются знахарством». Главным занятием коновалов была кастрация жеребцов, бычков, баранов и других домашних животных.

-
- Материал опубликован в газете «Правда Севера». 2002. 13 июня.

Мезенские коновалы – явление уникальное. Ни в одной губернии Севера России не было такого уезд, где бы коновальство было так широко распространено, как на Мезени. Здесь оно носило характер отхожего промысла. Ватаги мезенских коновалов ежегодно расходились по всему Европейскому Северу России, в основном в Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Вятскую губернии, а отдельные из них ходили в Сибирь и их называли «проходимцами».

Этим видом отхожего промысла занимались преимущественно крестьяне с верховьев Мезени, в основном Олемской и отчасти Лешуконской волостей. Из поселений нижней Мезени оно больше других было распространено в селе Дорогорском.

«В Олемском приходе, – говорится в церковной книге 1895 года, – прихожане мужчины почти все занимаются коновальством и большею частью года находятся в отлучке». Крестьяне уходили заниматься коновальством по окончании полевых работ, как правило, в августе, и возвращались к началу сева (по распутице).

Особенно широкое распространение коновальство получило в конце XIX – начале XX веков. Так, если в 1852 году в Мезенском уезде числилось только 57 коновалов, то в 1867 году этим промыслом занималось уже 147 крестьян, а в 1907 году – 270 человек, и их заработок за этот год, по официальным данным, составил 10685 рублей

Коновальством нередко занимались целыми семьями. Дети познавали искусство коновальства от родителей, с которыми они ходили заниматься этим промыслом. Так, Васлий Иванович Вагин из Олемы два года ходил с отцом коновальствовать в Кичменско - Городецкий уезд Вологодской губернии.

Вот что писал о мезенских коновалах замечательный русский писатель Михаил Прившин в своей книге «В краю непуганых птиц»: «Как только осенью на Мезени закончатся работы, сотни этих знахарей расходятся по Олонецкой и Архангельской губерниям. Они лечат все: людей и животных. Они знают всевозможные заговоры. И каким уважением они пользуются в народе! Двери всякого дома перед ними открыты, везде едят, пьют, живут на одном месте иногда месяц, два и нигде никогда не платят, да и в голову никому не приходит брать с них деньги». И это не удивительно. Скотина являлась основой благополучия каждой крестьянской семьи, поэтому крестьяне, заботясь о ее здоровье, прибегали к услугам коновалов, так как ветеринарной службы в то время пол существованию не было.

Опознавательным знаком коновалов была специальная медная бляха – своего рода цеховой знак, который прикреплялся к сумке с инструментами. Бляхи эти отливались в деревне Кимже, которая издревле славилась медным литьем.

В Лешуконском краеведческом музее хранится коновальская сумка с укрепленной на крышке ее медной медной коновальской бляхой, в ней нехитрые коновальские принадлежности: небольшой ножик, оселок для его заточки и снадобья для обработки ран. Здесь же хранится длинный прочный ремень, с помощью которого коновалы валили животных. Все эти вещи были приобретены в Олеме.

Потомки олемского коновала Андрияна Логинова передали в Лешуконский краеведческий музей свидетельство, выданное их предку, и отзыв о его работе. В свидетельстве, выданном 8 мая 1870 года Архангельским губернским ветеринарным врачом, говорится: «Крестьянин Архангельской губернии Мезенского уезда Олемской волости и деревни Андриян Логинов по выдержанному испытанию оказался годен быть коновалом и ему дозволено заниматься коновальством, как-то: лечить быков, жеребцов, баранов и свиней, ставить заволоки и кровь бросать. Но всякое внутреннее лечение ему строго воспрещается». А в отзыве о его работе записано: «Не один десяток лет Логинов ежегодно успешно занимался коновальством в волостях и селениях по реке Югу Никольского и Устюжского уездов, отличался прекрасным поведением».

С появлением ветеринарной службы в уездах надобность в услугах коновалов отпала, и в 30-х годах прошлого столетия этот крестьянский промысел ушел в прошлое, теперь об этом знают лишь понаслышке.

Источники

- ГААО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 241. Л. 18; Там же. Ф. 189. Оп. 1. Д. 1207, Л. 35; Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 96. Л. 97 об.
Галев Н. Мезенские коновалы // Север. 1981. 28 ноября.
Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971. С. 109–110.

РОЖДЕННАЯ ДЛЯ СЕВЕРА ИСТОРИЯ МЕЗЕНСКОЙ ПОРОДЫ ЛОШАДЕЙ *

Известный историк Русского Севера А.А. Жилинский писал: «Лошади Архангельской губернии вообще невелики, но довольно выносливы и крепки и в лучшую сторону выделяются лошади Мезенского уезда, так называемые «мезенки».

Рост лошадей мезенской породы составлял в основном «от 1 арш. 15 верш. до 2 арш. 15 верш», а свыше этого составляли исключение.

* Материал опубликован в газете «Правда Севера». 2003. 19 июня.

По сохранившимся описаниям мезенки отличались от остальных пород лошадей Русского Севера «отменными своими достоинствами: красивою наружностью, с хорошим фронтом, приятною головой, гибкою шеей..., соразмерными вообще статьями, на сухих и верных ногах с превосходной плотностью копыт, с широкою грудью, прямым крестцом, с приятною и резвою пробегой; сильные в работе, сносные в езде, чрезвычайно благонаправленные и смысленные, не разборчивые кормом, довольные скудным содержанием и всегда удерживающие тело; годные в упряжь и по гибкости способны под верх (под седло. – Н.О.)».

Все авторы, изучавшие породы северных лошадей, отмечали отличную приспособленность мезенки к своеобразной работе в лесу: летом в вязком грунту, а зимой – по глубоко занесенным снегом дорогам, по бездорожью и необыкновенную выносливость при гужевых перевозках на дальние расстояния зимой, преодолевая за один переход расстояния от 25 до 45 километров.

На этих лошадях жители Мезенского уезда зимой ходили с обозами в Архангельск, Санкт Петербург и вывозили рыбу с рек Канина. Зимой обозы двигались большей частью ночью и нередко в сильную метель. Бывало часто, когда нельзя было открыть глаза и определить направление, спасение извозчика всецело зависело от лошади. Мезенская лошадь самостоятельно находила дорогу, кормилась под открытым небом на морозе и ветру и,

засыпаемая снегом, шла на новый переход. При этом Мезенка часто не получала овса, а порой и сена и кормилась и мхом из-под снега и мороженой рыбой.

Достоверных архивных источников, подтверждающих происхождение мезенской породы лошадей, не сохранилось, так как архив мезенской канцелярии, откуда можно было получить эти сведения, сгорел в 1849 году.

В литературе имеются разные противоречивые суждения о происхождении этой породы лошадей. Известный писатель-этнограф С.В. Максимов связывает это с именем опального князя В.В. Голицына, который, будучи переведен с Мезени в ссылку на Пинегу, в 1711 году «получил из Москвы свой конский завод и бесплатно выдавал крестьянам на Мезень и Пинегу кровных кобыл для улучшения породы туземных лошадей. Говорят, что это обстоятельство было главною причиною тому, что мезенки сделались известной породой...».

Имеются сведения о том, что в царствование Петра I по его приказанию в Мезенский край для случки с местными кобылами было привезено несколько жеребцов обнинской породы из Пермской губернии.

Делались попытки улучшения мезенской породы лошадей и позднее. В царствование Елизаветы Петровны в 1752 году были привезены в Мезенский уезд жеребцы из Мекленбурга и Голштинии. В 1768 году при царствовании Екатерины II, в Архангельскую губернию для разведения и улучшения мезенской лошади из заводских конюшен центральной России были приведены 12 жеребцов немецкой, датской и неаполитанской пород. Эти жеребцы были отданы пожелавшим взять их на содержание купцам Холмогорской волости и крестьянам Мезенского и Двинского уездов. Однако привезенные жеребцы использовались плохо, крестьяне не желали случать своих кобыл с этими жеребцами. В результате от трех производителей приплода вообще не было, а от остальных за время их использования было получено от трех до десяти жеребят, многие из которых пали в возрасте до одного года. В 1781 году семь из двенадцати жеребцов пали.

В историческом обзоре Мезенского уезда за 1864 год записано: «По рассказам старожилов, в 1800 году княгиня Хованская, управлявшая мезенскими питейными сборами, привезла сюда вятских и казанских жеребцов. Этими жеребцами была улучшена порода местных лошадей».

Известный исследователь мезенской породы лошадей М.Н. Шарин по сведениям, полученным от старожилов села Лампожни Мезенского района в 1938 году, установил, что в 1861 году в Мезенский уезд было завезено 5 племенных жеребцов финской породы, которые были распределены в г. Мезень и по деревням: Кильца, Совполье и Лампожня. Приведенного тогда в Лампожню племенного жеребца звали «Финка». Он был рыжей масти, крупного роста (примерно 2 арш., 4 верш.), очень широкий в груди. Этот жеребец содержался сначала у

крестьянина Н. В. Увакина, а затем у крестьянина Ф.И. Кузнецова. «Финка» в течение 2-х лет его племенной работы оставил много крупного и сильного потомства, большей частью рыжей масти, которое продавалось на Пинежской ярмарке и уводилось на Пезу и Пешу.

.Мезенская порода лошадей была постоянно в поле зрения властей. Так, в 1860 году архангельский губернатор Н.Н. Арандаренко докладывал императору Александру II о том, что он предпринял попытку «учредить в Архангельске рысистые бега, да бы повысить ценность лошадей хороших качеств». Докладывая о результатах своего начинания, он сообщал, что «25 особ осознали пользу предприятия и оказали сочувствие в этом деле. Они пожертвовали суммы для призов и предложили для бега условия, соответствующие цели этого предприятия».

В том же году император Александр II «изволил пожаловать» 300 рублей на выдачу призов – «в видах поощрения к разведению сильных рабочих лошадей».

Тогда же были разработаны «Правила для рысистого бега». Один из пунктов этих правил гласил, что на «призовой бег» допускаются только лошади мезенской породы.

В бегах, устроенных в Архангельске 27 декабря 1860 года, участвовало 12 лошадей мезенской породы. При пробеге на расстояние 2 верст в одиночной упряжке «лучшая резвость» ими была достигнута за 4 минуты 45 секунд.

В те же годы в Архангельске проводились также испытания мезенских лошадей на возку тяжестей. Так, на испытаниях, проведенных в Архангельске 28 февраля 1859 года, первый приз получил вороной жеребец мезенской породы 6 лет, ростом 2 аршина 1 ½ вершка; Он поднял 190 пудов груза и прошел на расстояние 300 сажень с грузом 331 пуд за 4 минуты 45 секунд.

Со стороны губернских властей предпринимались также попытки наладить племенную работу с мезенской породой лошадей. Так, архангельский губернатор Н.А. Качалов в 1870 году писал, что «правильно устроенных конных заводов» в губернии нет, но в Мезенском и Пинежском уездах крестьянами поддерживается прекрасная порода рабочих лошадей, называемых «мезенками». «С некоторого времени, – отмечал Качалов, – порода эта, оставаясь без освежения, начала ухудшаться, и если не будут приняты меры, то погибнет запас лошадей, которыми пользуется целый северный край».

Николай Александрович ходатайствовал перед министром государственных имуществ о присылке в губернию шведских или норвежских производителей, к которым подходит местная порода мезенок. Этим породистых жеребцов предполагалось раздать бесплатно крестьянам, пользующимся уважением в сельском мире.

По просьбе губернатора Н.А. Качалова в феврале 1871 года государственный конный завод передал двух жеребцов «шведской породы», которые были отправлены крестьянам Лешуконской и Дорогорской волостей Мезенского уезда с тем, чтобы содержать их на

«мирской счет». Но уже на следующий год они отказались от взятых обязательств «по дороговизне кормов».

Архангельский губернатор М.М. Кониар 25 мая 1881 года писал министру финансов:

«Обозревая в конце минувшего и в начале настоящего года Мезенский и Пинежский уезды, я между прочим убедился, что дело улучшения мезенской породы лошадей сопряжено с несомнительной пользой для населения и поэтому в феврале текущего года предоставил г. министру государственных имуществ ходатайство о присылке в Пинежский и Мезенский уезды двух кровных жеребцов шведской породы, а в бытность мою в Петербурге счел должным ходатайствовать о том же; но главное управление государственных имуществ нашло возможным купить и отправить в Архангельскую губернию лишь одного жеребца, который ныне доставлен в Холмогоры для отправки в Пинежский уезд...». О судьбе этого жеребца сведениями мы не располагаем.

Исследователи коневодства на Русском Севере утверждают, что возникновение мезенской лошади не связано с завозом на Мезень датских, финских и других производителей. Мезенская лошадь является местной породой. На её формирование в первую очередь оказали существенное влияние окружающие условия, особенно климат и пища. Она создана трудом крестьян Севера под влиянием потребности в сильных, выносливых, приспособленных к северному климату упряжных лошадях. В этом свою роль сыграли также народная селекция, богатые сенокосы, привольные заливные луга и бережное отношение к лошадям.

В XIX веке Мезенский уезд поставлял лошадей, чуть ли не во всю губернию. Мезенские лошади пользовались известностью и далеко за пределами Архангельского Севера. Так, в 1861 году по просьбе управляющего государственным коннозаводством в Мезени было закуплено несколько породистых мезенских лошадей, которых весной того же года по столичному тракту «с бережением» отправили в Санкт Петербург.

В феврале 1866 года тот же управляющий писал архангельскому губернатору князю С.П. Гагарину, что «...на предстоящей в 1867 году всемирной выставке в Париже предложено иметь особую группу лошадей, в том числе экземпляры мезенской породы» и просил оказать содействие в их приобретении. Но, к сожалению, эта высочайшая просьба не была исполнена.

Лошадей из Мезенского уезда уводили на ярмарки не только в Пинегу, но и в село Важгорт Яренского уезда. Немало мезенских лошадей продавалось и на ярмарках в Мезенском уезде. Так, в 1858 году на мезенских ярмарках было продано 292 лошади, на сумму 6072 рубля.

За «порядочную» лошадь обычно платили от 50 до 100 рублей, а цена лучшей лошади доходила до 150 рублей.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что для продажи на ярмарки уводили, как правило, лучших лошадей, что вело «к уменьшению количества хороших» лошадей. В уезде, в

большинстве своем, оставались лошади «малорослые, слабосильные, ни чем не отличающиеся от крестьянских лошадей других уездов».

В 1865 году в 1-ом стане Мезенского уезда, включая поселения по рекам Мезени, Кулою, Пезе, Пеше, Оме, Снопе и Вижасу, кроме города Мезени, было жилых крестьянских дворов 751, в них содержалось 1233 лошади, в том числе: по реке Мезени (исключая гор. Мезень) – 532 двора, 940 лошадей; по реке Кулою – 116 дворов, 93 лошади; по реке Пезе – 72 двора, 149 лошадей; по рекам: Пеше, Оме, Снопе и Вижасу – 31 двор, 51 лошадь.

Наибольшее число лошадей содержали крестьяне селений: Заозерье – 12 дворов, 32 лошади; Лампожня – 69 дворов, 145 лошадей; Дорогорское – 55 дворов, 112 лошадей; Кимжа – 56 дворов, 100 лошадей; Жердь – 42 двора, 98 лошадей; Усть-Пеза – 2 двора, 18 лошадей.

Что касается гор. Мезени, то в 1884 году здесь было 187 частных жилых домов. Проживавшие в них мезенские мещане содержали 868 лошадей.

По утверждению исследователей коневодства на Русском Севере исключительную любовь к лошади мезенки питали жители деревни Кильцы Мезенского уезда, «где издавна занимались выращиванием и продажей мезенок: там же по праздникам устраивались испытания – бега».

По решению губернских властей со второй половины XIX века в Пинеге ежегодно проводились выставки лошадей. На этих выставках мезенки всегда привлекали всеобщее внимание и неизменно завоевывали призовые места. Хозяева лучших лошадей удостоивались наград – в виде денежных премий, похвальных листов, которые очень ценились в крестьянской среде.

Так, в выставке, проводившейся в Пинеге в 1906 году, участвовало 44 человека. Ими было выставлено 4 жеребца, 13 кобылиц и 27 жеребенка. Всего было премировано 17 человек. В выставке приняло участие 5 крестьян Мезенского уезда, в том числе: Петр Александрович Чуркин из села Жердь, с 4-х годовалым жеребцом; Александр Андреевич Попов и Николай Поликарпович Бутаков из дер. Килецкой, с 3-х годовалыми жеребцами; Александр Васильевич Коротаев из дер. Заозерье, с 9-ти месячным жеребчиком; Михаил Алексеевич Дерягин из дер. Кимжи, с 11-ти месячным жеребенком. Все они получили денежные премии.

В выставке, проводившейся в Пинеге в 1910 году, участвовало 23 человека. Ими было выставлено 6 жеребцов и 17 жеребчиков. Всего было премировано 12 человек. В выставке приняли участие 4 крестьянина из Мезенского уезда, в том числе крестьяне из дер. Погорелец: Николай Алексеевич Чупров, с 5-ти летним жеребцом; Петр Васильевич Чупров и Герасим Кириллович Рассолов с 3-х годовалыми кобылицами и Дмитрий Александрович Коротаев из дер. Заозерье, с жеребцом 3,5 лет. Все они получили денежные премии.

В то же время целенаправленная племенная работа с мезенской лошадью не проводилась. Все это привело к ухудшению качества мезенки. Еще более ухудшилось качество мезенской лошади после Октябрьской революции. В условиях коллективного хозяйства индивидуальный подход к лошади был утрачен, конь лишился хозяина.

Первым шагом к ухудшению мезенской породы лошадей явился начатый в конце 20-х годов прошлого века не продуманный и не оправданный завоз на Мезень племенных рысаков и производителей других пород. В 1925 году в селе Лешуконском была создана госконюшня, которая была укомплектована местными и финскими жеребцами. В 1933 году экспедиция Наркомзема СССР произвела обследование мезенской лошади и признала, что «метизация» её с финской лошадью и отчасти орловским рысаком оставила в наследство Мезенскому району всего несколько неудачных метисов. Хотя до 50-х годов прошлого века в районе регулярно проводились конные выставки и испытания, велись записи племенных лошадей, но всё это не привело к улучшению качества мезенских лошадей.

В настоящее время условия изменились. Развивается частный сектор в сельском хозяйстве, растут фермерские хозяйства. Количество лошадей в частной собственности увеличилось. Сотрудники Всероссийского НИИ коневодства (Рязань) совместно с сотрудниками Архангельского НИИ сельского хозяйства взялись за возрождение мезенки и сохранение её генофонда. Основная работа проводится на базе общественного стада мезенских лошадей в рыболовецком колхозе «Север» в селе Долгощелье и коннофермерского хозяйства «Дорогорское» в селе Дорогорском. В первом из них на 1 января 2006 года содержалось 84 лошади, а во втором - 87 лошадей. А всё общественное стадо лошадей в Мезенском уезде на эту дату составляло 263 головы. В коннофермерском хозяйстве «Дорогорское» создана генофондно – племенная ферма по разведению мезенки. В районе проводятся соревнования лошадей по работе с тяжестями и на скорость.

Источники

ГААО. Ф. 1, Оп. 9. Д. 504. Л. 25; Там же. Ф. 5. Оп. 4. Д. 254. Л. 25 – 26, 34 – 44, 54 – 59; Там же. Ф. 5.. Оп. 6. Д. 73. Л. 48 – 50, 60 – 70; Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 220. Л. 96, 102; Там же. Ф. 6. Оп. 4. Д. 151. Л. 8; Там же. Ф. 6. Оп. 9. Д. 1. Л. 53 – 58; Там же. Ф. 6. Оп. 9. Д. 3. Л. 10 – 38; Там же. Ф. 6. Оп. 17. Д. 83. Л. 17; Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 235. Л. 7.

Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. С. 224.

Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 496

Панов Д. История лошади «мезенки» // Маяк коммунизма. 1938. 16 октября.

Паромов И. Описание города Мезени // АГВ. Часть неофициальная. 1958. 3 мая.

Попов Г. Сильна и благонравна. Похвальное слово о мезенке // Правда Севера. 1996. 15 мая.

Попов Г.П. Губернаторы Русского Севера. Архангельск. 2001. С. 21.

Шарин М.Н. Мезенская лошадь // Советский Север. 1938. № 3. С. 31 – 33, 71.

Юрьева И. Мезенка – жемчужина Севера // Север. 1994. 23 августа.

Юрьева И.Б., Вдовина И.В. История создания мезенской лошади // Наука производству. Сборник научных трудов. Архангельск, 1999. С. 70, 72 – 73.

Юрьева И. Возрождение мезенки // Волна, 2003. 14 – 20 февраля.

СТРОИТЕЛЬСТВО ТРАКТА СЧИТАЛИ НЕВОЗМОЖНЫМ!

ИЗ ИСТОРИИ ТРАКТА ПИНЕГА – МЕЗЕНЬ *

С давних пор для проезда с Пинеги на Мезень существовало два тракта: летний и зимний.

Летний тракт с Пинеги на Мезень на протяжении 65,5 версты проходил вдоль правого берега Пинеги и через почтовые станции Пилегорскую, Усть-Починскую (Прилуцкую) и Усть-Ежугскую (Березницкую). Далее на протяжении 103,5 версты шел Верхней тайболой (болотами и лесом) и выходил на станцию Большенисогорскую, расположенную на правом берегу Мезени, а оттуда с переправой через реку, пролегал по ее правому берегу до

Окладниковой слободы (ныне город Мезень). Общая протяженность этого тракта составляла 305,5 версты.

Зимний же тракт с Пинеги на Мезень, существовавший с незапамятных времен, проходил по реке Кулой через Кулойский Посад, затем по просеке, пролегавшей в лесах мезенской Нижней тайболы, через замерзавшие речки, озера и болота выходил в село Азаполье, расположенное на левом берегу Мезени. Там он переходил на правый берег и по нему шел до Окладниковой слободы.

В последствии этот путь был заменен более коротким. Он также пролегал по реке Кулой через Кулойский Посад и по Нижней тайболе выходил на станцию Лампоженскую (село Лампожня), расположенную в 17 верстах от города Мезени. Протяженность его составляла 146 верст.

Этим путем в декабре 1664 года везли в ссылку в Пустозерск протопопа Аввакума с семьей, Но волею судьбы он был оставлен на Мезени в Окладниковой слободе, где пробыл полтора года. Этой же дорогой в феврале 1666 года везли Аввакума с Мезени в Москву на суд собора.

По замерзании рек и озер, этот путь, проходивший по ровной дороге, без гор и крутых спусков, был сравнительно легким и наиболее коротким. Так как содержание длинного и трудного летнего тракта с Пинеги на Мезень обходилось дорого государственной казне, то по проекту, утвержденному в 1828 году, было принято решение обратить этот зимник в постоянно действующий тракт, с выходом в деревню Кимжу на Мезени. Все работы намечалось провести за два года.

* Материал опубликован в газете «Правда Севера». 2000. 20 декабря..

Однако губернское начальство, задумав устройство дороги, не предполагало тратить на ее строительство средства из государственной казны. Все расходы были возложены на крестьян Пинежского и Мезенского уездов. Но сил и средств не хватало, и работы продвигались крайне медленно. При тех темпах дорога эта не могла быть построена не только через два года, но и через пять лет. Поэтому в 1833 году было решено к разорительным работам по строительству привлечь казенных (государственных) крестьян Ижемской волости Мезенского уезда, отдаленной от устраиваемого тракта почти на тысячу верст. Однако ижемские крестьяне отказались повиноваться губернским и уездным властям и в течение пяти лет не исполняли предписание. Они несколько раз посылали своих ходатаев в Петербург к министру внутренних дел Д.Н. Блудову с прошением «войти в бедственное положение всей Ижемской волости,

перетерпевшей и без этого от шестилетнего неурожая хлеба», и освободить от повинностей, связанных со строительством дороги. Но все прошения их были признаны незаконными.

Надеясь все же добиться справедливости, ижемские крестьяне в начале 1838 года отправили в Петербург своих ходатаев Василия Попова и Ефстафия Филиппова и через них передали свои прошения в Сенат и министру государственных имуществ П. Д. Киселеву. А на предписание губернских властей приступить к работам ответили, что «пока не будет указа от императора за собственноручным его величества подписанием, то мы никаким указаниям не поверим, и ничьих предписаний исполнять не будем».

Тогда по указанию властей архангельский военный губернатор И. О. Сулима 17 августа 1838 года направил из Архангельска на усмирение ижемских крестьян воинский отряд. Однако по распоряжению архангельского гражданского губернатора А. М. Муравьева (бывшего декабриста), отряд, находившийся под его контролем, был остановлен на середине пути в ожидании зимника и «в том предположении, что ижемцы, может быть, одумаются, видя решительные меры». Сам же Муравьев в то время принял все меры к разрешению конфликта мирным путем и 1 декабря выехал в Ижемскую волость, что бы разобраться на месте лично. Но в пути на станции Усть-Ижемской его встретил нарочный от станового пристава, который сообщил, что крестьяне «сами собою собрались, объявив, что они... предписания не преминут исполнить в точности и избрали для личных перед начальником губернии объяснений двух поверенных с доверенностью, которые и отправлены были по назначению».

Так ижемские крестьяне «обращены были к покорности», и тяжбы относительно строительства дороги прекратились. Но сооружение ее в болотистой и непроходимой местности вскоре было признано невозможным, и по высочайшему повелению все работы были прекращены. А для проезда летом с Пинеги на Мезень продолжали пользоваться прежним почтовым трактом.

Член Петербургской Академии наук ботаник Александр Иванович Шренк, возвращаясь из поездки в Печорский край, осенью 1837 года в силу необходимости проезжал по этому недостроенному тракту. Вот как пишет он об этом: «Оставив Кимжу, я выехал на новую, не совсем еще оконченную дорогу, которая ведет из Мезени в Пинегу и которая, по завершеном окончании своем, значительно облегчит сообщение между этими двумя современными городами, потому что она целыми 130 верстами короче настоящей дороги, ведущей через Верхнюю тайболу. Во время моего пребывания на Севере не было окончено только еще 30-верстное протяжение этой дороги; но так как это пространство наполнено самыми топкими мшистыми болотами, то вся дорога остается пока без употребления...».

Позднее к работам по строительству дороги возвращались несколько раз, но они так и не были закончены. Так, в начале Великой Отечественной войны, осенью 1941 года, в Кимжу

был доставлен военно-строительный батальон, сформированный из эстонцев, который возобновил строительство дороги на Пинегу. Но в 1943 году батальон расформировали, и работы по строительству дороги прекратились.

Одно из последующих решений по строительству этой дороги было принято в 1988 году. К выполнению работ привлекли военных строителей, которые за период с 1989 по 1995 годы должны были пройти от Кимжи до Пинеги через Совполье. С этой целью в город Мезень была завезена военно-строительная часть. Но, обустроившись в Мезени, военные попортили много техники, а к строительству дороги так и не приступили. Вскоре эта часть была расформирована.

Последнее решение о строительстве тракта с Пинеги на Мезень было принято в 1999 году и в том же году работы на тракте начались, их предполагается закончить в 2002 году. Будем надеяться, что это решение будет выполнено. Это позволит поднять экономику не только Мезенского, но и Лешуконского районов, а население этих отдаленных территорий Архангельской области наконец-то сможет круглогодично и регулярно ездить в областной центр автомобильным транспортом.

Примечание: К сожалению, строительство этого тракта до сих пор не закончено. Постоянный круглогодичный проезд автомобильным транспортом пока возможен только от Пинеги до Совполья. Строительство продолжается. Но уже сейчас, не дожидаясь окончания этого строительства, зимой, при отсутствии больших снежных заносов, жители Мезени ездят на автомашинах по этому недостроенному тракту в Архангельск через Совполье и Пинегу. Окончание строительства этого тракта, безусловно, увеличит приток туристов в заповедную Кимжу. Поэтому уже сейчас нужно срочно заняться ремонтом и восстановлением сохранившихся здесь архитектурных памятников старины и обустроить село.

Источники

- ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 211. Л. 11, 19; Там же. Ф. 1. Оп. 9. Д. 360. Л. 10 об.; Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 360.
Доморощенин С.Н. Эстонская дорога // Правда Севера. 1992. 25 марта.
Жилинский А.А. Пути сообщения Мезенского уезда // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 14. С. 643 – 651.
Фурменков Г. Г., Вольнская В. А. Декабристы на Севере. Архангельск, 1986. С. 148.
Шренк А. Указ. соч. С. 641.